

Великая Отечественная: Неизвестная война

Марк Солонин

22 ИЮНЯ

Анатомия катастрофы

Издание второе, переработанное и исправленное

Марк Солонин

22 июня. Анатомия катастрофы

**Серия «Великая Отечественная:
Неизвестная война»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4943099

*22 июня. Анатомия катастрофы. 2-е изд., перераб. и испр.: Яуза,
Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-36124-3*

Аннотация

Книга Марка Солонина «22 июня, или Когда началась Великая Отечественная война?» давно стала историческим бестселлером, выдержав десятки переизданий и разойдясь рекордными тиражами.

Но с момента ее первой публикации прошлого больше пяти лет, за эти годы стала доступна новая информация по истории Второй мировой войны, обнародовано множество новых документов и исследований, требующих изучения и переосмысления. Поэтому автор вернулся к работе над книгой и фактически переписал ее заново.

Это не просто второе издание, переработанное, расширенное и исправленное, – ЭТО НОВАЯ КНИГА популярного историка.

Содержание

Предисловие	4
Как появилась эта книга	4
С чего начнем	16
Сенсаций не будет	27
Часть 1 Трясина	30
...Замысел операции	30
Без свидетелей	57
Первый бой	73
«И пошел, командою взметен...»	98
Доклад С.В. Борзилова	133
«По дорогам знакомым...»	152
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Марк Солонин

22 июня. Анатомия катастрофы

*Когда погребают эпоху,
Надгробный псалом не звучит,
Крапиве, чертополоху
Украсить ее предстоит...*

*А после она выплывает,
Как труп на весенней реке —
Но матери сын не узнает,
И внук отвернется в тоске...*
Анна Ахматова «В сороковом году»

Предисловие

Как появилась эта книга

Я – за мораторий. Честное слово. И если бы такое решение было на государственном уровне принято, я бы подчинился ему самым добросовестным образом.

В самом деле, что мешало принять общее, обязательное для всех решение: всякое публичное обсуждение истории

Великой Отечественной войны запретить. На сто лет. До 2045 года.

Никаких книг, никаких статей. В школьном учебнике – краткое уведомление о том, что в стране действует мораторий. И только тогда, когда воспоминания об этом состоявшемся Апокалипсисе перестанут быть кровоточащей раной в сердце народа, когда уйдут последние ветераны, когда прах неизвестных солдат станет, как в песне сказано, «просто землей и травой» – вот тогда рассекречиваем ВСЕ архивы для ВСЕХ желающих в них работать и работаем. Создаем общими усилиями правдивую, на документах основанную, историю Великой войны.

Именно так всё у нас и сделали – только точно наоборот. Подлинные документы войны засекретили и стерегли за семью замками, как особо важные тайны государства. Даже газеты, центральные советские газеты предвоенного и военного времени, были изъяты из открытых фондов общедоступных библиотек. Речи Молотова и Сталина, тексты межгосударственных договоров, публично заключенных Советским Союзом в 1939–1941 гг., – все это тайна. Страшная военная тайна.

Тщательно организованный вакуум достоверной информации на протяжении полувека заполняли стандартные, как матрешки, тексты, в которых старательно переписывались одни и те же директивно установленные мифы. Военная история, как точная наука фактов и документов, была прак-

тически полностью подменена пропагандистскими закли- наниями. Дело доходило до таких курьезов, как исполне- ние одним и тем же номенклатурным сановником пооче- редно обязанностей руководителя Института военной исто- рии и... Управления спецпропаганды Главного Политуправ- ления Советской Армии!

Важнейшим вопросом, над «разъяснением» которого тру- дилась узкая группа безгранично преданных партии людей, был вопрос о том, почему в первые же недели войны Крас- ная Армия была смята, разгромлена и большей частью взята в плен? Почему вермахту удалось дойти до берегов Ладоги, до степей Калмыкии, до гор Кавказа? Почему пожар войны докатился до таких мест, где чужеземных захватчиков не ви- дали со времени великих мятежей и безвластия начала XVII века? Как случилось то, что большая часть всех жертв, всей крови и пота войны ушли только для того, чтобы к осени 1944 года вернуть потерянное в первые несколько недель от- ступления?

Первым причины «временных неудач» Красной Армии указал сам товарищ Сталин. В своем знаменитом радиооб- ращении к «братьям и сестрам» 3 июля 1941 г., а затем, в более развернутом виде, в докладе на торжественном засе- дании по случаю 24-й годовщины Октябрьской революции, Сталин назвал **три фактора**, которые якобы обусловили успехи вермахта:

– немецкая армия была заблаговременно отмобилизована

и придвинута к рубежам СССР, в то время как сохраняющий строгий нейтралитет Советский Союз жил обычной мирной жизнью;

- наши танки и самолеты лучше немецких, но у нас их пока еще очень мало, гораздо меньше, чем у противника;

- за каждый шаг в глубь советской территории вермахт заплатил гигантскими невосполнимыми потерями (конкретно Сталин назвал цифру в 4,5 миллиона убитых и раненых немцев).

Две недели спустя Совинформбюро позволило себе оспорить заявление самого товарища Сталина – случай в истории этого ведомства небывалый. Было заявлено, что потери вермахта к середине ноября 1941 г. составили уже 6 миллионов человек.

Отдадим должное товарищу Сталину. Он врал, но врал с умом. Из его заведомо ложных измышлений вырисовывался образ страны миролюбивой, но с большими потенциальными возможностями. Да, сегодня у нас танков мало – завтра будет много; мы не начинали мобилизацию первыми – но уж теперь мы соберем все для фронта и для победы. Германия же не может позволить себе каждые полгода терять по шесть миллионов солдат, а значит – в самое ближайшее время, *«через полгода, год рухнет под тяжестью своих преступлений»*. Именно такую перспективу обрисовал Сталин, выступая с трибуны Мавзолея на параде 7 ноября 1941 г. Ис точки зрения военной пропаганды (которая не имеет права

быть правдивой) он сказал то, что надо было сказать людям, уходящим в бой.

После войны советские «историки» получили задание – ложь усилить, но при этом сделать ее чуть более правдоподобной. Непростое задание – но они с ним справились.

Про то, что вермахт потерял в начале войны 4,5 (или даже 6) миллиона человек, забыли, замолчали и никогда больше не вспоминали. Логика тут очень простая – немецкие архивы были к этому времени уже открыты, материалы, в частности и о потерях личного состава, опубликованы, и продолжать так врать значило выставить себя на посмешище всему свету.

В порядке «компенсации» картину беззащитности Советского Союза усилили заявлением о том, что основная часть танков и самолетов, состоявших на вооружении Красной Армии к началу войны, представляла собой безнадежно устаревший хлам, «не идущий ни в какое сравнение» с техникой противника. Значительно более настойчиво и громко стал подаваться и тезис о «внезапном нападении» (сам Сталин тому пресловутой «внезапности» старался особенно не выпячивать, делая акцент на слове «вероломное» – а это две большие разницы. Тезис о «вероломстве» характеризует Гитлера как преступника, тезис о «внезапном нападении» выставляет Сталина в качестве слепого, наивного дурачка). Никита Хрущев, придя к власти, также немного доработал историю начала войны. Он представил Сталина в виде дурака упрямого – Рихард Зорге и Уинстон Черчилль слали ему свои

знаменитые «предупреждения», а тот и слушать никого не хотел...

Таким образом, к концу 50-х годов окончательно сформировалась та версия, которую в последующие десятилетия вколачивали в массовое сознание с настойчивостью и непреклонностью парового молота:

во-первых, мы мирные люди, к войне мы не готовились, наше правительство боролось за мир во всем мире и старалось не допустить втягивания СССР в войну;

во-вторых, «история отпустила нам мало времени», поэтому мы ничего (танков, пушек, самолетов, даже винтовок в нужном количестве) не успели сделать, и наша армия вступила в войну почти безоружной (бутылка с зажигательной смесью играла тут ключевую роль, про эту бутылку знают даже те, кто ничего про историю войны не знает);

в-третьих, Сталин не разрешил привести армию в состояние какой-то особой «готовности к войне», и поэтому немецкие бомбы обрушились на «мирно спящие советские аэродромы».

Из этого трехчлена (который на все лады перепевался во всех книжках – от школьного учебника до толстенных монографий) легко и просто вытекал ответ на вопрос о ВИНОВНИКАХ страшной катастрофы. Виноватыми оказались:

- история, которая «отпустила нам мало времени»;
- Гитлер, который месяца за два-три не предупредил Сталина о своих намерениях;

– и, наконец, излишняя наивность и доверчивость в целом положительного товарища Сталина.

Родной Коммунистической партии в этой схеме была оставлена только одна роль – роль организатора и вдохновителя всех наших побед.

Вся ясно, просто, логично. Любая попытка усомниться в достоверности этих мифов расценивалась в диапазоне от «циничное глумление над памятью павших» до «новая вылазка литературных власовцев». Признаюсь: когда-то я и сам во все это верил. Потом, в старшем школьном возрасте, стали появляться некоторые смутные сомнения. С годами они только усиливались.

В самом деле, при товарище Сталине весь советский народ работал. Работали все мужчины. Работали почти все женщины. Декретный отпуск давался на четыре месяца: два до и два после. Потом – от грудного младенца к станку. Страна работала с раннего утра и до глубокой ночи. Ну а военные заводы уже задолго до войны работали в три смены, с утра и до утра. Причем, заметьте, никто из сотни миллионов работников не работал мерчендайзером, спичрайтером, имиджмейкером, трейдером, брокером, дилером, шмилером... Все конкретно пахали на производстве.

Куда же делся произведенный продукт?

Как это у нас могло оказаться меньше танков-самолетов, нежели в Германии? Что же тогда делали эти круглосуточно дымящие заводы? Холодильники и соковыжималки для

коммунальных кухонь?

Низкая производительность труда? Не спешите, не спешите, уважаемый читатель, с такими подозрениями. Давайте для начала выслушаем мнение знающих людей.

В 1936 г. авиационные заводы СССР смог посетить Луи Шарль Бреге, руководитель крупнейшей французской авиастроительной фирмы (выпускающей совместно с фирмой Дассо реактивные «Миражи» и по сей день). В отчете о своей поездке в СССР он написал: *«Используя труд вдесятеро большего количества рабочих, чем Франция, советская авиационная промышленность выпускает в 20 раз больше самолетов»*. В апреле 1941 г. военно-воздушный атташе Германии Г. Ашенбреннер с группой из десяти инженеров посетил главные авиапредприятия СССР (ЦАГИ, московские заводы № 1, 22, 24, Рыбинский и Пермский моторные заводы). В отчете, предоставленном Герингу, Ашенбреннер писал: *«Каждый из этих заводов был гигантским предприятием, где работало до 30 тысяч человек в каждую из трех смен, работа прекрасно организована, все продумано до мелочей, оборудование современное и в хорошем состоянии...»*

А в Германии было тогда в два с половиной раза меньше людей, чем в СССР. Немецкая фрау сидела дома и воспитывала киндеров. Повзрослевшие киндеры пели нацистские марши и ходили строем, оттягивая носок – не после работы, а вместо работы. На втором году мировой войны авиационные заводы Германии работали в одну смену! Сверх-

дефицитный на войне алюминий расходовался на производство садовых домиков и приставных лесенок для сбора груш. Производственные мощности немецких заводов были загружены изготовлением патефонов и велосипедов, радиоприемников и легковых автомобилей, фильдеперсовых чулочков и бритвенных лезвий. Серийное производство первых боевых танков, самолетов, подводных лодок началось только в 1935–1936 г. – меньше, чем за одну пятилетку до начала мировой войны.

Так когда же немцы умудрились создать то самое пресловутое «многократное превосходство в танках и самолетах»? И из чего они его могли создать?

В Германии нет своих бокситов, своего никеля, марганца, вольфрама, меди, каучука, нефти... Простого угля и железной руды и то не хватало, всю войну немцам приходилось возить железную руду морем из Швеции. Под бомбами авиации союзников. А у Сталина под ногами была вся таблица Менделеева, в том числе нержавеющее золото, за которое во Франции, в Америке, в той же Германии закупалось все: новейшее оборудование – целыми заводами, новейшие авиамоторы, лучшие в мире транспортные самолеты, лучшие умы и секретнейшие чертежи.

И всего этого не хватило для того, чтобы вооружить Красную Армию хотя бы не хуже новорожденного вермахта?

От размышлений над этими вопросами автора на несколько лет отвлекла учеба в авиационном институте, затем – про-

ектирование лазерной пушки в закрытом ОКБ, затем – работа в угольной кочегарке и общественная борьба эпохи гласности и перестройки.

Эта борьба не была совсем уже напрасной. Да, гораздо меньше, чем хотелось бы, но все-таки в начале 90-х годов в научный оборот было введено большое число документов кануна и начала войны, в открытой печати были опубликованы ранее засекреченные труды советских военных историков. Кроме того, новые времена открытости, свободы печати и Интернета сделали доступными для независимого исследователя и богатейшие залежи работ немецких историков и мемуаристов. И хотя по сей день огромные пласты документального материала все еще скрываются от народа (причем безо всякого пристойного объяснения), того, что уже открыто, вполне достаточно, чтобы детально и точно оценить соотношение сил сторон по состоянию на 22 июня 1941 г.

Да, конечно, никакого «технического превосходства вермахта» не было и в помине. Пушку образца Первой мировой войны тащила шестерка лошадей, главным средством передвижения пехоты вермахта была одна пара ног на каждого солдата, и вооружен этот солдат был самой обыкновенной винтовкой (это только в плохом советском кино все немцы в 1941 году ходят с автоматами, а вот по штатному расписанию даже в элитных дивизиях вермахта «первой волны» было 11 500 винтовок и всего 486 автоматов).

Разумеется, предельно милитаризованная сталинская им-

перия, долгие годы готовившаяся к Большой Войне с предельным напряжением всех ресурсов богатейшей страны мира, вооружила и оснастила свою армию как нельзя лучше. Разумеется, танков и самолетов, зенитных орудий и гусеничных тягачей, аэродромов и аэростатов в Красной Армии было больше, чем в армиях Англии, Франции и Германии, вместе взятых.

Разумеется, научно-технический уровень советского военного производства не просто «соответствовал лучшим мировым стандартам», а по целому ряду направлений формировал их. Лучший в мире высотный истребитель-перехватчик (МиГ-3), лучшие в мире авиационные пушки (ВЯ-23), лучшие в мире танки (легкий БТ-7М, средний Т-34, тяжелый КВ), первые в мире реактивные установки залпового огня (БМ-13 «катюша»), новейшие артиллерийские системы, радиолокаторы, ротационные кассетные авиабомбы, огнеметные танки и прочая, прочая, прочая – все это существовало, и не в чертежах, не в экспериментальных образцах, а было запущено в крупную серию.

Разумеется, сосредоточение трехмиллионной группировки вермахта у западных границ СССР было заблаговременно выявлено советской разведкой (которая, к слову сказать, несколько преувеличила численность войск противника). И хотя подлинных документов, раскрывающих оперативные планы немецкого командования, на столе Сталина никогда не было, общая военно-политическая готовность гитлеров-

ской Германии к агрессии на Востоке не была секретом ни для высшего государственного руководства СССР, ни для старших командиров Красной Армии.

Имеющиеся документы неопровержимо свидетельствуют о том, что скрытая мобилизация и скрытое стратегическое развертывание Вооруженных Сил Советского Союза начались ДО, а не после первых оружейных залпов на границе. Что касается цели этого развертывания, то по этому поводу возможна (и необходима) дискуссия. Как бы то ни было, но в июне 41-го Красная Армия готовилась к войне, причем к такой войне, которая должна была начаться в ближайшие недели или даже дни. Самое большее, чего могли в такой ситуации добиться немцы, так это весьма ограниченного во времени и пространстве эффекта тактической внезапности. И не более того.

С чего начнем

Как это часто (или всегда?) бывает в истории науки, новое знание, разрешив старые вопросы, поставило новые, гораздо более сложные. После того как спрятаться за ширму заведомо ложных измышлений о «многократном численном превосходстве вермахта» стало уже невозможно, обсуждение подлинных причин беспримерной в истории военной катастрофы стало еще более актуальным и еще более сложным.

Строго говоря, это обсуждение началось за много лет до окончательного крушения КПСС. Не настолько уж мы *«ленивы и нелюбопытны»* (Пушкин), чтобы среди сотен тысяч живых свидетелей драматических событий тех лет не нашлись люди, готовые усомниться в достоверности официального бреда. Уже во времена хрущевской «оттепели» на свет божий из непроглядной тьмы военной тайны выпорхнули кое-какие цифры, факты, документы, после обнародования которых продолжать прежнее вранье стало совсем уже неприлично. Нельзя не упомянуть, например, двухтомную монографию Дашичева «Банкротство стратегии германского фашизма». Хотя вся она была посвящена немецкой истории и любых сравнений автор предусмотрительно избегал, у имеющего глаза и мозги читателя пропадали последние сомнения по поводу «многократного превосходства вермахта в танках и авиации».

Еще дальше пошли Некрич и Григоренко. С огромным количеством оговорок, извинений и оправданий они все-таки написали черным по белой бумаге, что никакого численного либо технического превосходства над Красной Армией у вермахта не было. Для одного из них это закончилось изгнанием из СССР, для другого – заключением в спецпсихбольницу МВД.

В эпоху «нового мышления» их дело продолжил Виктор Суворов. С мастерством талантливого публициста, с яростной напористостью человека, нашедшего наконец единственную истину, В. Суворов в своей трилогии («Ледокол», «День-М», «Последняя республика») камня на камне не оставил от лживого мифа про «тихую, мирную и почти безоружную» сталинскую империю. Не может не вызвать удивления и восхищения тот факт, что, не имея доступа и к малой толике того массива документов, которые стали доступны в начале 90-х годов, В. Суворов смог вскрыть и убедительно показать читателям ту многолетнюю подготовку к Большому Походу в Европу, которая составляла смысл и цель всей внешней и внутренней политики Сталина.

Трудно понять – зачем, но В. Суворов наполнил свои книги огромным количеством поспешных, легкомысленных и – самое главное – не имеющих никакого отношения к основной идее положений (всякими «наступательными танками», супербомбардировщиками Су-2, разрушенными дотами на старой границе СССР, и пр.). Все эти «автострадные танки»

и «летающие шакалы» сделали книги Суворова – книги, которые лишь обозначили первые шаги на пути формирования подлинно научной историографии Великой Отечественной войны, – чрезвычайно уязвимыми для злобной и предвзятой критики. И тем не менее, несмотря на массу частных ошибок и неточностей, В. Суворов написал книги, которые ВСЕ ПОНЯЛИ.

Его поняли миллионы читателей, для которых вопрос о планах и намерениях товарища Сталина отныне и навсегда решен и снят с обсуждения; его поняли бывшие советские (ныне российские) историки-пропагандисты, для которых В. Суворов стал едва ли не личным врагом, для дискредитации которого они готовы идти на любую подлость. Прекрасно поняли Суворова и профессора западноевропейских (равно как и североамериканских) университетов, из года в год лениво переписывавшие свои засиженные мухами конспекты, – после выхода в свет «Ледокола» вся их научная репутация и громкие титулы оказались под угрозой полной девальвации. Неудивительно, что по обе стороны Атлантики молниеносно сложился «заговор молчания», которым давно уже неспособные к серьезной и честной дискуссии «жрецы исторической науки» попытались (правду сказать – совершенно безрезультатно) окружить книги В. Суворова.

В то же время нельзя не признать, что, разрушив старые мифы коммунистической пропаганды, В. Суворов в одном, но очень важном аспекте поспешил заменить их новыми.

ми. Оказывается, Красная Армия была велика и могуча – но только до трех часов утра 22 июня 1941 г. На следующий день она якобы была обескровлена и разоружена внезапным нападением гитлеровцев. Со страниц трилогии Суворова просто льется торжественная песнь Первого Обезоруживающего Удара:

«...при внезапном ударе советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей... Внезапный удар по аэродромам ослепляет танковые дивизии... Советские разведывательные самолеты не могут подняться в небо... Нашему циклопу выбили глаз.

Наш циклоп слеп. Он машет стальными кулаками и ревет в бессильной ярости...» И так далее.

Для пущей убедительности Суворов предложил и свой, гораздо более правдоподобный, вариант объяснения причины такого конфуза: Красная Армия сама готовилась к нападению и якобы поэтому забыла про всякую осторожность. По сравнению с издевательски глупой версией коммунистических «историков» (про то, как робкий и наивный Сталин боялся дать Гитлеру «повод для вторжения») ошибочная гипотеза Суворова смотрится вполне солидно. В результате самое широкое хождение получили обе «суворовские» легенды: и о «первом обезоруживающем ударе вермахта», и о том, что разгром Красной Армии был обусловлен тем, что войска, которые обучались, вооружались и готовились для ведения

наступательных операций, были 22 июня 1941 г. вынуждены перейти к обороне.

В скобках заметим, что в этом варианте мифотворчества В. Суворов вовсе не был первым. Тот же Григоренко еще в 1967 г. написал про то, как «глупый» нарком обороны Тимошенко послушался еще более «глупого» Сталина и двинул днем 22 июня всю артиллерию на запад. Им бы подождать до темноты – а они ее вывели из лагерей и укрытий днем. Вот тут на нее и налетела вражеская авиация. И уничтожила. Всю. Все **шестьдесят тысяч** орудий и минометов. Каждый немецкий бомбардировщик (а их на всем Восточном фронте было девятьсот), проносясь над землей, как мифическая Валькирия из древних скандинавских саг, разом уничтожил по одному советскому артиллерийскому полку...

В дальнейшем мы подробно, с карандашом и калькулятором в руках, рассмотрим вопрос о том, что могла, что сделала и чего не могла сделать немецкая авиация. Пока же обратимся к простому здравому смыслу и зададим ему пару простых вопросов.

Почему сами «гитлеровские соколы» ничего не знают о своем величайшем свершении? По истории люфтваффе написаны горы книг. Есть монографии, посвященные боевому применению отдельных типов самолетов, есть монографические исследования боевого пути чуть ли не каждой авиационной эскадры, и все это – с немецкой дотошностью, с точным указанием заводского номера каждого самолета и воин-

скими званиями всех членов экипажа. А вот про то, как 22 июня 1941 г. они «разоружили» всю Красную Армию, – ни слова. И даже брехливый доктор Геббельс об этом так ничего никому и не сказал!

С другой стороны, что же наши-то «соколы» ничего подобного не учинили? Нет, разумеется, мы говорим не про июнь 41-го. У нас же тогда не самолеты были, а «безнадежно устаревшие гробы», и летчики якобы «с налетом всего 6 часов». Но в 43, 44, 45-м годах, тогда, когда нумерация советских авиаполков подошла к тысяче – почему же тогда вермахт не был разоружен, оставлен без танков, без артиллерии, без складов за один день одним могучим ударом с воздуха? И почему в истории английских ВВС нет ничего подобного? И французских, и американских?

Американцы бомбили Германию (территория которой меньше территории наших предвоенных Западного или Киевского военных округов) с весны 1943 г. Американцы высадились на один объект по несколько кило тонн бомб за один налет. В день высадки в Нормандии каждую дивизию союзников в среднем поддерживали (по подсчетам известного американского историка Тейлора) 260 боевых самолетов – это в 10 раз больше, чем приходилось на одну дивизию вермахта 22 июня 1941 г. И тем не менее даже десять месяцев спустя, весной 1945 года, вермахт все еще воевал, причем воевал отнюдь не бутылками с керосином...

Ну, а если серьезно, то вести дискуссию по этому поводу

абсурдно. Уничтожить (или, по крайней мере, значительно ослабить) одним упреждающим ударом Красную Армию, насчитывавшую к началу войны **198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковую, 31 моторизованную дивизии, 16 воздушно-десантных и 10 противотанковых бригад**, в доядерную эпоху было абсолютно невозможно. Да и с вооружениями XXI века для решения такой задачи потребовалось бы (с учетом рассредоточенности советского военного потенциала на гигантском ТВД) огромное массирование ракетно-ядерных сил.

В реальности основным средством поражения, которым располагал вермахт летом 1941 г., была артиллерия. Основные калибры: 75, 105, 150, 210 мм. Максимальная дальность стрельбы – от 10 до 20 километров. Именно этими цифрами и определяется возможная в принципе глубина первого удара. Девять десятых советских полков и дивизий находились утром 22 июня вне этой зоны, за 50—500—5000 км от границы, и потому ни в первый, ни во второй, ни в третий день войны не могли быть уничтожены даже теоретически. Стоит отметить и то, что даже бесноватый фюрер не требовал от своей армии такой сверхэффективности. Плановая продолжительность «блицкрига» в России все-таки измерялась месяцами, а не днями, да и разгромить Красную Армию предполагалось «смелым выдвижением танковых клиньев», а вовсе не одним лихим налетом «Юнкерсов».

Абсурдность (если только не преднамеренная анекдотич-

ность) теории про Армию, Умеющую Только Наступать, достаточно очевидна и сама по себе не требует многостраничного опровержения. Совсем не обязательно заканчивать Академию Генерального штаба для того, чтобы понять, что наступление является гораздо более сложным видом боевых действий, нежели оборона. Сложным именно потому, что наступление предъявляет более высокие требования к системе управления и связи, от которых в этом случае требуется гибкое, быстрое, нешаблонное реагирование на динамично развивающуюся обстановку. Представить себе командование, способное к организации успешного, стремительного наступления, но при этом не умеющее организовать позиционную оборону на собственной, знакомой до каждой тропинки территории, так же невозможно, как невозможно найти виртуозного джазового пианиста, который не может сыграть по нотам «Собачий вальс».

Наконец, так называемая «наступательная» армия, вооруженная лучшими в мире «наступательными» танками, всегда может воспользоваться именно тем способом ведения обороны, который во все века считался наилучшим, – самой перейти в контрнаступление. Тому в истории мы тьму примеров сыщем, но самым ярким, на наш взгляд, является опыт Армии обороны Израиля. Эта армия никогда даже и не пыталась стать в самоубийственную при географических условиях Израиля (минимальная ширина территории в границах резолюции ООН 1947 г. составляет 18 км) позицион-

ную оборону. И в 1967-м, и в 1973 г. стратегическая задача обороны страны от многократно превосходящих сил противника была решена переходом в контрнаступление, причем в октябре 1973 г. такой переход пришлось осуществить без всякой оперативной паузы, сразу же после того, как попытки сдержать наступление египетской армии на оборонительном рубеже Суэцкого канала оказались безуспешными.

Пыталась ли Красная Армия действовать летом 1941 г. подобным образом?

Безусловно – ДА.

Даже официальная «перестроечная» историческая наука готова была признать то, что *«фашистской стратегии блицкрига была противопоставлена не оборона, в том числе и маневренная, с широким применением внезапных и хорошо подготовленных контрударов, а, по существу, стратегия молниеносного разгрома вторгшегося противника»*. (3)

Как всегда ярко и образно, выразил эту же мысль В. Суворов:

«Реакция Красной Армии на германское вторжение – это не реакция ежа, который оцетинился колючками, но реакция огромного крокодила, который, истекая кровью, пытается атаковать».

Точнее и не скажешь.

На Северо-Западном направлении череда контрударов Красной Армии (под Шауляем, Даугавпилсом, Островом, Великими Луками, Старой Руссой) продолжалась с первых

дней войны вплоть до середины августа 1941 г.

На главном, Западном стратегическом направлении, на линии Минск – Смоленск – Москва, многократные, практически безостановочные попытки перейти в решительное контрнаступление продолжались все лето, до 10 сентября, когда, наконец, войска Западного, Резервного и Брянского фронтов по приказу Ставки перешли к обороне.

Подробный разбор всех этих наступательных операций выходит за рамки данной книги.

С другой стороны, конечный результат этих контрударов должен быть известен даже добросовестному школьнику. Ничего, кроме потери сотен кадровых дивизий, десятков тысяч танков и самолетов, эти попытки перейти в наступление не принесли. Красная Армия оказалась неспособна к наступлению точно так же, как она оказалась неспособна к созданию устойчивой позиционной обороны на таких мощнейших естественных рубежах, какими являются реки Неман, Днепр, Днестр, Южный Буг, Западная Двина.

На этой констатации всю дискуссию про «наступательные танки» и «оборонительные самолеты» можно закончить, даже не начиная. И тем не менее кропотливый и детальный анализ первых контрударов Красной Армии может подвести нас к важным выводам о подлинных причинах ее разгрома. Вот почему автор решил начать книгу с подробного анализа хода и исхода **двух наступательных операций**, причем именно тех, по поводу которых можно, не погрешив против истины,

сказать, что это были наиболее мощные и наиболее обеспеченные боевой техникой и кадровым командным составом контрудары Красной Армии.

Сенсаций не будет

«Служенье муз не терпит суеты». Тем более не терпит суетливой поспешности военная история. Читателю стоит набраться терпения. Быстрых ответов на сложнейшие вопросы не будет. Не будет и столь популярных в последние годы сенсационных «документов» (которые никто никогда не видел), потрясающих «откровений» бывших сталинских при-служников (записанные неизвестно кем и когда) и прочей дешевой бульварщины.

Документальной основой для написания этой книги стал тот массив информации, который был рассекречен и введен в научный оборот на рубеже 80-х и 90-х годов. В списке использованной литературы указано без малого две сотни наименований, ключевыми же являются фактически следующие пять источников:

- «Гриф секретности снят», статистическое исследование, составитель – начальник военно-исторической службы Генерального штаба, генерал-полковник Г.Ф. Кривошеев, год выпуска – 1993-й;
- четыре тома (№ 33, 34, 35, 36) ранее засекреченной серии «СБД» (Сборник боевых документов Великой Отечественной войны), составленной советскими военными историками в 1956–1958 гг.;
- двухтомный сборник документов «Россия – XX век. До-

кументы. 1941 год», 1998 г.;

– сборник документов «Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в цифрах», составлен под грифом «Совершенно секретно» большой группой военных историков в 1962 г.;

– коллективная монография советских военных историков «1941 год – уроки и выводы», изданная в 1992 г. под эгидой Генерального штаба Объединенных вооруженных сил СНГ.

Использованная источниковая база имеет явный недостаток: она неполна, фрагментарна и составлена главным образом именно теми людьми, которые в силу своих служебных и партийных обязанностей имели целью скрыть правду об обстоятельствах и причинах катастрофического разгрома Красной Армии. Столь же очевидным и бесспорным достоинством использованных источников является их доступность и проверяемость. Строго говоря, **в этой книге нет ни одного нового документа или факта.** В нормальной научно-исторической среде такое заявление звучало бы как «приговор», как признание никчемности и бессодержательности предлагаемой читателю книги. Но у нас в России все особое: особый «путь», непостижимая умом страна, позорная ситуация с абсолютно противоправным засекречиванием документов военных архивов и т. д. И в этой ситуации именно **использование тех и только тех документов, которые сами коммунисты имели неосторожность со-**

хранить и опубликовать, становится огромным преимуществом.

Повторю еще раз – читателя ждет большая работа. Впереди у нас сотни страниц сложного, пересыщенного цифрами, датами, номерами дивизий и калибрами танковых пушек текста. Раз за разом будем мы останавливаться перед каждым «общеизвестным», «само собой разумеющимся», ставшим привычным, как растоптанные тапочки, утверждением для того, чтобы задуматься – а что же на самом деле скрывается за этими устоявшимися мифами?

Часть 1 Трясина

...Замысел операции

Вечером 22 июня 1941 г., а если говорить совсем точно, то в 21 час 15 минут, нарком обороны Тимошенко утвердил и направил для исполнения командованию западных округов (фронтов) Директиву № 3.

В этом документе, как и положено в боевом приказе, давалась краткая оценка группировки и планов противника:

«...противник наносит главные удары из сувалкского выступа на Ал и ту с и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит – Шяуляй и Седлец – Волковыск...» и ставились ближайшие задачи на 23–24 июня: *«...концентрическими сосредоточенными ударами войск Северо-Западного и Западного фронтов окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника и к исходу*

24 июня овладеть районом Су валки;

мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиацией Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6-й армий окружить и уничтожить группировку противника, наступающую в направлении Владимир-Волынский, Броды. К исходу 24 июня овладеть районом Люб-

лин» (6, стр. 440).

В скобках заметим, что уже один этот документ позволяет сделать обоснованный вывод о том, чего стоит многолетнее бахвальство славных «чекистов» о том, что документы немецкого командования якобы ложились на стол

Сталина на полчаса раньше, чем на стол Гитлера. За шесть месяцев, прошедших с момента подписания Гитлером плана «Барбаросса», советское военное руководство так и не узнало, что самый мощный удар вермахт будет наносить силами 2-й танковой группы Гудериана по линии Брест – Слуцк – Минск. Это направление не упомянуто в Директиве № 3 даже как вспомогательное. А то, что наше командование расценило как *«вспомогательный удар в направлении Тильзит – Шяуляй»*, было в действительности началом наступления главных сил группы армий «Север» на Псков – Ленинград.

К тому времени, когда Директива № 3 была получена и расшифрована в штабе Западного фронта, военная ситуация качественно изменилась.

К исходу дня 22 июня 1941 г. передовые части 3-й танковой группы вермахта продвинулись в глубь советской территории на 60–70 км и форсировали Неман (точнее говоря – переехали его по трем невзорванным мостам у Алитуса и Меркине) (см. Карта № 1). Но каким бы сильным ни был наступательный порыв немцев, каким бы слабым ни было сопротивление войск 11-й армии Северо-Западного фронта – дороги и мосты имеют вполне определенную пропуск-

ную способность, а танки в колоннах движутся с интервалами в несколько десятков метров. В результате, когда утром 24 июня 7-я танковая дивизия вермахта заняла Вильнюс, а 20-я и 12-я танковые дивизии подходили к Ошмянам, арьергард танковой группы - 19-я танковая и 14-я моторизованная дивизии – еще только переправлялся через Неман (13). Таким образом, то, что военные историки обычно называют «немецким танковым клином», в те дни представляло собой несколько «стальных нитей», растянувшихся на 100–120 км вдоль дорог юго-западной Литвы. При этом немецкая пехота, ходившая в прямом смысле этого слова пешком, со своими конными обозами и артиллерией на «лошадиной тяге», еще только начинала наводить понтонные переправы через Неман.

Устав требует, чтобы подчиненный любого ранга и звания, при безусловном выполнении поставленной ему вышестоящим командиром задачи, проявлял разумную инициативу в выборе наиболее эффективных путей и методов выполнения приказа. Именно так и действовал командующий Западным фронтом, Герой Советского Союза, кавалер трех орденов Ленина и двух орденов Красной Звезды, генерал армии Д.Г. Павлов. Отойдя от прямого следования «букве» Директивы № 3, он повернул острие наступления с северо-западного направления (от Гродно на Сувалки) прямо на север, вдоль западного берега Немана, от Гродно на Меркине. Замысел операции был гениально прост. Стремитель-

ный (два дня во времени и 80–90 км в пространстве) удар во фланг и тыл наступающей на запад пехоты противника, захват мостов и переправ через Неман – и мышеловка, в которую сама загнала себя 3-я танковая группа вермахта, захлопывается. Отрезанные от всех линий снабжения, лишённые поддержки собственной пехоты, немецкие танковые дивизии, прорвавшиеся к Вильнюсу, окружаются и уничтожаются.

В скобках заметим, что одиннадцать месяцев спустя, в мае 1942 г, в точности такая же по замыслу операция была проведена немцами. Тогда, в ходе ставшей печально знаменитой Харьковской наступательной операции, советские войска форсировали Северский Донец и вышли к пригородам Харькова. А в это время немецкая танковая армия Клейста форсировала ту же самую реку в районе города Изюм (в 100 км южнее Харькова) и, продвигаясь на север вдоль восточного, практически никем не обороняемого берега Северского Донца, перерезала коммуникации советских войск, оказавшихся в конечном итоге в «котле» на западном берегу Донца. Результатом стало окружение и разгром пяти советских армий, при этом более 200 тысяч бойцов и командиров Красной Армии оказалось в немецком плену. Задуманная Павловым операция не могла завершиться столь масштабным успехом – просто потому, что в составе немецкой 3-й танковой группы не было ни 200, ни даже 100 тысяч человек. Но во всем остальном наступление ударной группы За-

падного фронта было, что называется, «обречено на успех».

Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 г. «линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства» (именно так официально именовалось то, что во всех советских книгах и учебниках называется «западной границей»), белостокская группировка войск Западного фронта, еще не сделав ни одного выстрела, уже нависала над флангом и тылом немецких войск, зажатых на тесном «пяточке» Сувалкского выступа. Об этом позаботился мудрый Сталин. А природа позаботилась о том, чтобы река Неман повернулась у Гродно на 90 градусов, «освобождая» таким образом дорогу наступающим от Белостока на Меркине советским танкам. Никаких других крупных рек, за которые могла бы зацепиться обороняющаяся немецкая пехота, в этом районе просто нет.

Благодаря тому, что Павлов отказался от наступления на занятый немцами в 1939 г. город Сувалки и решил окружить и уничтожить сувалкскую группировку противника **на советской территории**, немцы были лишены возможности опереться на заранее подготовленную в инженерном смысле противотанковую оборону. Излишне доказывать, что на местности, которую немцы заняли всего один-два дня назад, у них не было и не могло быть ни минных полей, ни противотанковых рвов, ни железобетонных дотов.

В состав ударной группировки войск Западного фронта

было включено два механизированных корпуса и один кавалерийский корпус (это соединение по численности личного состава соответствует одной стрелковой дивизии). Таким образом, создавалась (по принятой тогда в Красной Армии военной терминологии) «конно-механизированная группа», сокращенно – КМГ. Командовать конно-механизированной группой Павлов поручил своему заместителю, генерал-лейтенанту Болдину. В 23 ч 40 мин в Белосток, в штаб самой мощной, 10-й армии Западного фронта (куда к этому времени уже прибыл из Минска генерал-лейтенант Болдин) поступил приказ Павлова, в соответствии с которым **КМГ в составе 6-го мехкорпуса, 11-го мехкорпуса, 6-го кавалерийского корпуса** должна была *«нанести удар в общем направлении Белосток, Липск, южнее Гродно с задачей уничтожить противника на левом (т. е. западном. – М.С.) берегу р. Неман и к исходу 24.6.41 г. овладеть Меркине»*.

Здесь, пожалуй, настало время прервать последовательное изложение событий июня 1941 г. для того, чтобы пояснить читателю – что же обозначают эти слова: «механизированный корпус»?

Вторая мировая война в значительной степени может быть названа «танковой войной». Именно мощные танковые соединения стали в ту эпоху главным инструментом в проведении крупных наступательных операций. И коль скоро мы решили выяснить реальные наступательные возможно-

сти Красной Армии образца 1941 г., то нам никак не обойтись без того, чтобы познакомиться с советским мехкорпусом поближе.

Все механизированные корпуса Красной Армии имели единую структуру. В состав мехкорпуса входили:

- **две танковые дивизии;**
- **моторизованная дивизия;**
- **отдельный мотоциклетный полк;**
- **многочисленные спецподразделения** (отдельный батальон связи, отдельный мотоинженерный батальон, корпусная авиаэскадрилья и т. д.).

По сути дела, в состав мехкорпуса входили три «танковые» дивизии, т. к. советская моторизованная дивизия имела в своем составе танковый полк и по штатному (275 единиц) числу танков превосходила немецкую танковую дивизию. Фактически отличие моторизованной дивизии от танковой заключалось в названии и в разной структуре, т. е. в разном соотношении между танковыми и мотострелковыми частями. В танковой дивизии было четыре полка: два танковых, мотострелковый и артиллерийский. В моторизованной дивизии также было четыре полка: два мотострелковых, танковый и артиллерийский. Кроме того, в каждой дивизии были свой батальон связи, свой разведывательный батальон, понтонно-мостовой батальон, зенитно-артиллерийский дивизион, многочисленные инженерные службы.

В состав моторизованной дивизии (на случай встречи с

танками противника) был предусмотрительно введен и отдельный истребительно-противотанковый дивизион.

Очевидно, что, разрабатывая именно такую структуру, советское командование стремилось к тому, чтобы корпус в целом обладал максимальной оперативной самостоятельностью. В руках командира корпуса были:

- мощный бронированный «таран» из пяти танковых полков;

- своя собственная артиллерийская группа (три артполка на механической тяге, способные взломать на участке прорыва оборону противника);

- механизированная «легкая кавалерия» (корпусной мотоциклетный полк);

- своя пехота (четыре мотострелковых полка, способных закрепиться на завоеванной местности и прикрыть наступающий танковый клин с флангов и тыла).

Были в мехкорпусе и собственные средства противовоздушной обороны, связи, разведки. Даже собственная разведывательная авиация – корпусная авиаэскадрилья, на вооружении которой было 15 самолетов У-2 и Р-5 (сверхлегкий биплан У-2, как известно, взлетал и садился на любой лесной поляне, радикально решая таким образом сакраментальную проблему «отсутствия связи»). Для обеспечения высокой подвижности всех подразделений мехкорпуса ему полагалось по штатному расписанию 5165 автомобилей (всех типов, включая автоцистерны) и 352 гусеничных тягача (трак-

тора) для буксировки артиллерии и эвакуации подбитых танков с поля боя.

После многочисленных изменений штатной численности вооружение мехкорпуса должно было включать **1031 танк**, а именно: **126 КВ, 420 Т-34, 316 БТ, 152 Т-26** (в том числе 108 огнеметных) и 17 плавающих пулеметных танкеток Т-38/Т40. Кроме того, на вооружении мехкорпуса был и такой (отсутствующий в вермахте) тип бронетехники, как колесные пушечные бронеавтомобили, всего **152 БА-10**. Машина эта была создана на базе трехосного грузовика повышенной проходимости и вооружена 45-мм танковой пушкой 20К в стандартной танковой башне, т. е. по мощности своего вооружения БА-10 превосходили легкие немецкие танки Pz-I, Pz-II, Pz-38(t), Pz-III (первых серий с 37-мм пушкой), все еще составлявшие к лету 1941 г. 60 % парка танковых групп вермахта. Были на вооружении мехкорпуса и легкие бронемашины с пулеметным вооружением (БА-20), созданные на базе легкового автомобиля. Общее распределение бронетехники мехкорпуса показано в таблице:

	КВ	Т-34	БТ-7	Т-26	Т-38/Т40	БА-10	БА-20
тд	63	210	26	76	0	56	39
тд	63	210	26	76	0	56	39
мд	0	0	258	0	17	18	33
корпусные подраздел.	0	0	6	0	0	22	5
ВСЕГО	126	420	316	152	17	152	116

Всего в мехкорпусе числилось **1299 единиц бронетехники**. Если выстроить всю бронетехнику мехкорпуса в одну линию со стандартным маршевым интервалом в 15 м между машинами, то получится «стальная лента» длиной в 25 километров!

Наличие на вооружении мехкорпуса 126 тяжелых танков КВ и 420 средних танков Т-34, кроме всего прочего, означает 546 артиллерийских стволов калибра 76,2 мм. При этом, кроме танковых пушек, в составе мехкорпуса была и «обычная», буксируемая специальными артиллерийскими гусеничными тягачами (или мощными тракторами), артиллерия: пушки калибра 76,2 мм и гаубицы калибра 122 мм и 152 мм. Артсистемы корпуса были распределены следующим образом:

	76,2-мм	122-мм	152-мм
ТД	4	12	12
ТЛ	4	12	12
МЛ	16	16	12
Всего	24	40	36

В целом вес совокупного артиллерийского залпа мехкорпуса (даже не учитывая огневую мощь полутысячи 45-мм пушек в башнях легких танков и тяжелых бронемашин) составлял без малого 6 тонн, что в четыре раза превосходило соответствующий показатель пехотной дивизии вермахта. Стоит обратить внимание и на соотношение числа орудий (100 единиц) и средств мехтяги (352 гусеничных тягача), не гово-

ря уже о том, что сами танки КВ и Т-34 с их 500-сильным дизельным мотором могли как «пушинку» буксировать дивизионную «трехдюймовку» (вес 1,5 т) или 122-мм гаубицу (вес 2,5 т).

Уникальные для своего времени тактико-технические характеристики новых советских танков Т-34 и КВ (противоснарядное бронирование, мощное вооружение, дизельный двигатель, высокая проходимость и большой запас хода) в своей совокупности означали создание **принципиально нового инструмента ведения войны**. Т-34 и КВ могли самостоятельно (не дожидаясь подхода тяжелой артиллерии) подавить огневые средства противника на переднем крае, а затем поддержать прицельным огнем пехоту при прорыве обороны противника на всю тактическую глубину.

В декабре 1940 г. на известном совещании высшего состава Красной Армии будущий командующий Западным фронтом (а на тот момент – начальник Главного автобронетанкового управления Красной Армии) генерал Д. Павлов с чувством законной гордости за свою армию докладывал:

«...Танковые корпуса, поддержанные массовой авиацией, врываются в оборонительную полосу противника, ломают его систему ПТО, бьют попутно артиллерию и идут в оперативную глубину. За танковыми корпусами устремляются со своими танками мотопехота и стрелковые корпуса... При таких действиях мы считаем, что как минимум пара танковых корпусов в направлении главного удара долж-

на будет нанести уничтожающий удар в течение пары часов и охватить всю тактическую глубину порядка 30–35 км. Это требует массированного применения танков и авиации; и это при новых типах танков возможно...

...Если для подавления одного пулеметного гнезда в полевой обстановке требуется 120 снарядов 76-мм или 80 снарядов 122-мм гаубицы, то я прошу вас подсчитать, сколько потребуются танку выстрелов для того, чтобы уничтожить одно пулеметное гнездо? Или ни одного, или с дистанции 1–1,5 км 2–3 снаряда. Для уничтожения пушки ПТО, как правило, применяется 122-мм гаубица. Нужно 70–90 снарядов. Я спрашиваю вас: сколько потребуются тяжелому танку снарядов для того, чтобы подавить одну пушку ПТО? Или ничего, или один выстрел... Я утверждаю, что наличие большого количества тяжелых танков сильно поможет артиллерии в ее работе и сократит расход снарядов...» (14).

В феврале 1941 г. было принято решение сформировать **ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ** таких мехкорпусов, что означало развертывание танковых войск численностью **в два раза больше**, чем в армиях Германии, Англии, Италии и США, **вместе взятых**. Увы, даже у Гитлера, хотя и считался он «бесноватым ефрейтором», хватило ума не ждать, а напасть самому. Напасть раньше, чем Сталин укомплектует до последней гайки все свои двадцать девять мехкорпусов. В результате в реальности воевать пришлось отнюдь не таким

мехкорпусам, какие описаны выше.

«Мы не рассчитали объективных возможностей нашей танковой промышленности, — горько сетует в своих мемуарах маршал Г.К. Жуков, — для полного укомплектования мехкорпусов требовалось 16 600 танков только новых типов... такого количества танков в течение одного года практически при любых условиях взять было неоткуда» (15). Удивительно, как бывший начальник Генерального штаба мог забыть утвержденную им самим 22 февраля 1941 г. программу развертывания мехкорпусов?

Танковые войска совершенно запредельной численности и не планировали создать *«в течение одного года»!*

Все мехкорпуса были разделены на 19 «боевых», 7 «сокращенных» и 4 «сокращенных второй очереди». Всего к концу 1941 г. планировалось иметь в составе мехкорпусов и двух отдельных танковых дивизий 18 804 танка, в том числе 16 655 танков в «боевых» мехкорпусах (16, стр. 677). С точки зрения количественных показателей никакой проблемы с укомплектованием этих мехкорпусов не было: к 1 января 1941 г. в Красной Армии уже числилось более 20 тыс. танков. Но это были «устаревшие» (устаревшие в сравнении с новейшими танками КВ и Т-34, а вовсе не с танками противника!) легкие танки Т-26 и БТ, а для полного перевооружения новыми танками всех 29 мехкорпусов требовалось **3654 танка КВ и 12 180 танков Т-34.**

Программа их производства была спланирована в соот-

ветствии с реальными возможностями гигантской военной промышленности СССР и успешно выполнялась. В 1941 г. было выпущено 1358 танков KB и 3014 танка Т-34.

В следующем, 1942 г. танковая промышленность СССР произвела уже 24 718 танков, в том числе 2553 KB и 12 527 Т-34 (1, стр. 598). Итого: **3911 KB и 15 541 Т-34** за два года. Причем этот объем производства был обеспечен в таких «условиях», которые в феврале 1941 г. Жуков со Сталиным могли увидеть только в кошмарном сне: два важнейших предприятия (крупнейший в мире танковый завод № 183 и единственный в стране производитель танковых дизелей завод № 75) пришлось под бомбами перевозить из Харькова на Урал, два огромных ленинградских завода (№ 185 им. Кирова и № 174 им. Ворошилова) оказались в кольце блокады, основной производитель бронекорпусов, судостроительный завод в г. Мариуполе, захвачен немцами. Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что в нормальных условиях советская промышленность тем более смогла бы обеспечить перевооружение мехкорпусов к концу 1942 г. Как это и было запланировано.

Покончив со спорами и прогнозами, перейдем к оценке того, что было в реальности. К началу боевых действий в составе **20 мехкорпусов**, развернутых в пяти западных приграничных округах, числилось **11 тыс.** танков. Еще **более 2 тыс.** танков было в составе трех мехкорпусов (5, 7, 21-й) и отдельной 57-й тд, которые уже в первые две недели вой-

ны были введены в бой под Шепетовкой, Ле пелем и Даугавпилсом. Таким образом, Жукову пришлось начинать войну, довольствуясь «всего лишь» **четырёхкратным численным превосходством в танках**. Это если считать скромно, т. е. не принимая во внимание танки, находившиеся на вооружении кавалерийских дивизий и войск внутренних округов. Всего же по состоянию на 1 июня 1941 г. в Красной Армии было **19 540 танков** (опять же, не считая легкие плавающие Т37/Т38/Т40 и танкетки Т-27) и **3258** пушечных бронеавтомобилей (1, стр. 601).

Распределены имевшиеся в наличии танки по мехкорпусам были крайне неравномерно. Были корпуса (1, 5, 6-й), укомплектованные практически полностью, были корпуса (17-й, 20-й), в которых не набиралось и сотни танков. Столь же разнородным был и состав танкового парка. В большей части мехкорпусов новых танков (Т-34, КВ) не было вовсе, некоторые (10, 19, 18-й) были вооружены крайне изношенными БТ-2/ БТ-5, выпуска 1932–1934 гг., или даже легкими танкетками Т-37/ Т-38. И в то же самое время были мехкорпуса, оснащенные сотнями новейших танков.

На первый взгляд понять внутреннюю логику такого формирования трудно. Но стоит только нанести на карту приграничных районов СССР места дислокации мехкорпусов, как замысел предстоящей «Грозы» откроется нам во всем своем блеске.

Как было уже выше отмечено, западная граница СССР

имела два глубоких (на 120–170 км) выступа, обращенных острием в сторону оккупированной немцами Польши: Белостокский выступ в Западной Белоруссии и Львовский выступ в Западной Украине. Двум выступам неизбежно сопутствуют четыре «впадины». С севера на юг эти «впадины» у оснований выступов находились в районах городов Гродно, Брест, Владимир-Волынский, Черновцы. **Если бы Красная Армия собиралась встать в оборону**, то на остриях выступов были бы оставлены лишь минимальные силы прикрытия, а основные оборонительные группировки были выстроены у оснований, во «впадинах». Такое построение позволяет гарантированно избежать окружения своих войск на территории выступов, сократить общую протяженность фронта обороны (длина основания треугольника всегда короче суммы двух других сторон) и создать наибольшую оперативную плотность на наиболее вероятных направлениях наступления противника.

В действительности все было сделано точно наоборот. Главные ударные соединения «сбились в кучу» на остриях Белостокского и Львовского выступов. У оснований выступов, в районе Гродно, Бреста и Черновцов, были расположены несравнимо более слабые силы. Описание всей группировки займет у нас слишком много времени и места, поэтому ограничимся рассмотрением дислокации «пяти богатырей», пяти мехкорпусов, на вооружении которых обнаруживается от 700 до 1000 танков, в том числе более 100 новейших тан-

ков Т-34 и КВ, сотни тракторов (тягачей), тысячи автомобилей. Это (перечисляя с севера на юг) 3-й МК, 6-й МК, 15-й МК, 4-й МК и 8-й МК.

Даже среди этих, лучших из лучших, заметны 6-й (которому предстояло войти в состав КМГ Болдина) и 4-й мехкорпус (о боевых действиях которого речь пойдет в части 2 данной книги). На их вооружении к началу войны было соответственно 452 и 414 новейших танков – больше, чем во всех остальных мехкорпусах Красной Армии, вместе взятых. В 6-м МК к началу боевых действий числился 1131 танк (т. е. даже больше штатной нормы), 294 трактора, а по числу автомашин и мотоциклов (4779 и 1042 соответственно) он превосходил любой другой мехкорпус Красной Армии.

Где же стояли эти «богатыри»? 4-й МК разворачивался на самом острейшем выступе, в районе Львова. Рядом с ним, немного южнее, дислоцировался 8-й МК (859 танков, в том числе 171 новейший Т-34 и КВ, 359 тракторов и тягачей, 3237 автомобилей). Чуть восточнее Львова, в районе Золочев – Кременец, находился 15-й МК (716 танков, в том числе 136 Т-34 и КВ, 165 тракторов и тягачей, 2035 автомашин). Еще не сделав ни одного выстрела, ударная группировка в составе трех мехкорпусов уже нависала над флангом и тылом немецких войск Группы армий «Юг», зажатых в междуречье Вислы и Буга (см. Карта № 3).

Еще более показательным был выбор места дислокации 6-й МК, который спрятали в чаще дремучих лесов у Белостока.

Можно догадаться, как мехкорпус с его огромным «хозяйством» попал в Белосток – к этому городу от Гродно, сквозь вековые леса и бездонные болота, подходит нитка железной дороги. Выехать же своим ходом из Белостока корпус мог только в одну сторону – на запад, по шоссе на Варшаву, до которой от границы оставалось всего 80 км. К востоку от Белостока простирается огромный непроходимый лесной массив (Супрасельская пуца). Магистральной автомобильной дороги от Белостока в глубь советской территории (а следовательно, и причин ожидать здесь наступление главных сил противника) как не было тогда, так нет и по сей день.

Весьма примечательно и место дислокации 3-го МК (672 танка, в том числе 128 Т-34 и КВ, 162 пушечных бронеавтомобиля БА-10 (1-е место среди всех мехкорпусов), 308 тракторов и тягачей, 3897 автомобилей). Этот корпус был подчинен 11-й армии, развернутой на юге Литвы, на стыке Северо-Западного и Западного фронтов. Линия границы в районе этого стыка имела вид длинного и узкого «языка», который от польского города Сувалки вдавался в глубь советской территории в районе Гродно. Фактически на территории этого Сувалкского выступа разворачивалась 3-я танковая группа вермахта (четыре танковые и три моторизованные дивизии) и четыре пехотных корпуса. На всем протяжении советско-германского фронта не было другого района со столь высокой концентрацией немецких войск. Советское командование могло и не знать об этом, но само очертание грани-

цы у Гродно внушало большие опасения. Тем не менее 3-й МК оказался значительно севернее Гродно, в районе Каунаса (см. Карта № 1). Странное решение для отражения весьма вероятного удара противника от Сувалки на Гродно, зато очень понятное и рациональное для наступления на запад, на Тильзит и далее к Балтийскому побережью.

А вот непосредственно у Гродно находился слабо укомплектованный 11-й МК (331 танк, в том числе три десятка Т-34 и КВ, 55 тракторов и тягачей, 920 автомашин). Немного лучше (518 легких Т-26, ни одного среднего и тяжелого танка) был вооружен и 14-й МК, на который у южного основания Белостокского выступа, в районе Брест – Кобрин, обрушился в первые дни войны удар самой мощной во всем вермахте 2-й Танковой группы Гудериана.

Несколько отвлекаясь от «танковой темы», стоит отметить, что аналогичным образом (главные силы – на обращенном к противнику острие выступа) были дислоцированы и полки тяжелой артиллерии (корпусные и РГК). Так, в составе 3-й армии, прикрывавшей гродненское направление, было всего два корпусных артполка (152-й и 444-й) и ни одного артполка РГК, а в составе 10-й армии (острие Белостокского выступа) – четыре корпусных (30, 156, 262, 315-й) и три артполка РГК (311, 124, 375-й).

Возвращаясь к вечеру 22 июня 1941 г., мы можем констатировать, что в состав конно-механизированной группы Бол-

дина были включены четыре танковые и две моторизованные дивизии, имевшие на вооружении более **1500 танков и 200 пушечных бронеавтомобилей**, порядка 5,7 тыс. автомобилей и 350 тракторов. Кроме того, 23 июня в КМГ Болдина для артиллерийской поддержки наступления был включен 124-й гаубичный полк резерва Главного командования в составе 48 тяжелых орудий (по весу совокупного артиллерийского залпа один такой полк в полтора раза превосходил пехотную дивизию вермахта). Из общего числа 1,5 тыс. танков третья часть (более 470 единиц) были новейшими средними и тяжелыми танками с дизельными моторами, мощным вооружением (длинноствольная 76-мм пушка пробивала лобовую броню любых немецких танков на дистанции в 800—1000 м) и надежной бронезащитой.

Весьма показательно сравнение состава КМГ Болдина с численностью советских танковых армий завершающего периода Великой Отечественной войны. Так, перед началом Берлинской операции в составе четырех танковых армий (1, 2, 3, 4-я Гвардейские танковые) числилось соответственно 709, 672, 572 и 395 танков. ЛьвовскоСан-домирскую наступательную операцию (июль – август 1944 г.) три танковые армии (1,3, 4-я) начали, имея соответственно 419, 490 и 464 танка. Накануне крупнейшей Висло-Одерской операции, в январе 1945 г., в 4-й танковой армии Лелюшенко числилось всего 680 танков и самоходных орудий, в 5-й Гвардейской танковой армии перед началом Восточно-Прусской опера-

ции (январь 1945 г.) было всего 590 танков и самоходных орудий (167). Другими словами, ни одна из советских танковых армий, победоносно завершивших в 1945 г. войну, не имела и половины того количества бронетехники, которое было предоставлено в распоряжение генерала Болдина!

В июне 1941 г. вся эта гигантская стальная армада должна была обрушиться на пять пехотных дивизий вермахта: 162-я пд и 256-я пд из состава 20-го армейского корпуса и 8, 28 и 161-я пд из состава 8-го армейского корпуса. Причем реально к утру 24 июня в районе запланированного контрудара КМГ Болдина находились только **две пехотные дивизии** 20-го АК, а три дивизии 8-го АК уже форсировали реку Неман и наступали в полосе от Гродно до Друскининкай в общем направлении на г. Лида, продвигаясь на восток тремя почти параллельными маршрутами (61, 78). Таким образом, КМГ при своем наступлении на север от Гродно на Меркине имела уникальную возможность уничтожить противника по частям рядом последовательных ударов во фланг и тыл.

Таким образом, в первые дни войны сложится ситуация, **в точности соответствующая** (хотя советские историки всегда уверяли нас в обратном) предвоенным расчетам командования Красной Армии. Приведем еще одну выдержку из упомянутого выше доклада *«Использование механизированных соединений в современной наступательной операции»*, с которым Павлов выступал на декабрьском (1940 г.) Совещании высшего командного состава:

«...По своим возможностям – по вооружению, живой силе, ударной мощи – танковый корпус соответствует пяти пехотным немецким дивизиям. А раз так, то мы вправе и обязаны возлагать на танковый корпус задачи по уничтожению 1–2 танковых дивизий или 4–5 пехотных дивизий. Я почему говорю 4–5 с такой уверенностью? Только потому, что танковый корпус в своем размахе никогда не будет драться одновременно с этими пятью развернувшимися и направившими против него огневые средства дивизиями. По-видимому, он эти 5 дивизий будет уничтожать рядом ударов одну за другой...» (14).

Что могла в июне 1941 г. противопоставить этому немецкая пехота? Ничего или почти ничего. Основным вооружением противотанкового дивизиона пехотной дивизии вермахта была 37-мм пушка, способная пробить броню в 30–35 мм на дистанции в 500 метров. Для борьбы с легкими советскими танками БТ или Т-26 этого было вполне достаточно. Но после первых же встреч с нашими новыми танками немецкие солдаты дали своей противотанковой пушке прозвище «дверная колотушка» (смысл этого черного юмора в том, что она могла только постучать по броне советской «тридцатьчетверки»). Наклонный 45-мм броневой лист нашего Т-34 немецкая 37-мм пушка не пробивала даже при стрельбе с предельно малой дистанции в 200 метров. Ну, а про возможность борьбы с тяжелым танком КВ (лобовая броня 90 мм, бортовая – 75 мм) не приходится и говорить.

Это 48-тонное стальное чудовище могло утюжить боевые порядки немецкого противотанкового дивизиона практически беспрепятственно, как на учебном полигоне. Отнюдь не случайно к 1 ноября 1941 г. вермахт потерял на Восточном фронте 2479 противотанковых 37-мм пушек, что в 1,42 раза больше, чем потери всех артсистем дивизионного и корпусного звена (калибром от 75 до 150 мм включительно), вместе взятых (171, стр. 381).

Только летом 1940 г. немцы запустили в производство 50-мм противотанковую пушку Рак-38, которая и поступила на вооружение вермахта в количестве **2 (две) штуки на пехотный полк**, причем летом 41-го далеко не в каждой пехотной дивизии эти пушки были! Новейшая длинноствольная (длина ствола в 60 калибров) противотанковая пушка Рак-38 была одной из лучших в мире, но и она не могла пробить лобовую броню 48-тонного монстра КВ. Единственно возможной тактикой борьбы с КВ могла быть только стрельба в борт, из засады, на предельно малой дистанции. Лобовой лист корпуса Т-34 хотя и имел толщину «всего» в 45 мм (литая башня имела толщину стенок в 52 мм), но был установлен под необычайно большим уклоном (60 градусов), что даже чисто геометрически увеличивает эффективную толщину брони до 90 мм. Практически же такой большой наклон бронелиста обычно приводил к рикошету бронебойной «болванки». Поразить Т-34 лучшая немецкая противотанковая пушка могла, только стреляя с малой дистанции в борт корпуса

(толщина брони – 40 мм, угол наклона – 40 градусов).

При всем при этом ни Т-34, ни КВ не были «чудо-оружием». Абсолютно неуязвимых танков, конечно же, не бывает, да и сам термин «противоснарядное бронирование» является условностью. Снаряды бывают очень разные. Немецкая 105-мм пушка (не путать с гаубицей!) разгоняла снаряд весом в 15,2 кг до скорости 835 м/сек, что дает кинетическую энергию в 27 раз больше дульной энергии самой массовой 37-мм противотанковой пушки. Высокой энергетикой обладала и тяжелая (боевой вес 5,2 т) 88-мм зенитная пушка (вес снаряда 9 кг при начальной скорости 820 м/сек), что теоретически позволяло пробить лобовую броню Т-34, а в определенных условиях – и КВ. Вот только к реальной организации противотанковой обороны вся эта «экзотика» не имеет почти никакого отношения.

По штатному расписанию пехотной дивизии вермахта 105-мм пушки не полагались (эти дальнобойные орудия состояли на вооружении корпусных артиллерийских дивизионов). Что же касается 88-мм немецких зениток, то их в составе пехотных (равно как и танковых, и моторизованных) дивизий вермахта не было вовсе, т. к. все зенитные батареи в вооруженных силах Германии организационно входили в состав люфтваффе и «сухопутным» командирам не подчинялись. Методика стрельбы по скоростной высотной цели не имеет ничего общего со стрельбой прямой наводкой по танку, габариты и вес 88-мм зенитного орудия (равно как и

105-мм пушки весом в 5,6 т) очень далеки от требований к малозаметной и высокоподвижной пушке ПТО. Наконец, осколочный зенитный снаряд практически бесполезен для стрельбы по бронированной цели.

Да, действительно, летом 1941 г., оказавшись в безвыходной ситуации после встречи с новыми советскими танками, немцы вынуждены были заняться самыми нелепыми импровизациями вроде использования 5-тонных зениток и дальнебойных пушек для борьбы с танками. Да, используя эти орудия, немецкие пехотинцы могли уничтожить танковый взвод (3 танка), по чистой случайности оказавшийся в районе огневой позиции тяжелой артиллерии. Об отражении же такими средствами массированной танковой атаки не могло быть и речи – батальон танков Т-34 или КВ (не говоря уже о частях более крупного масштаба) должен был просто «раскатать» по земле тяжелые орудия...

Мало того что военно-политическое руководство фашистской Германии не предоставило своей армии надежных средств борьбы с новыми советскими танками, оно еще и ухитрилось не заметить сам факт их появления на вооружении Красной Армии. Только после начала боевых действий, 25 июня 1941 г., в дневнике Ф. Гальдера (начальника Генерального штаба Сухопутных войск) появляется следующая запись:

«...получены некоторые данные о новом типе русского тяжелого танка: вес – 52 тонны, бортовая броня – 8 см...

88-мм зенитная пушка, видимо, пробивает его бортовую броню (точно еще не известно)... получены сведения о появлении еще одного танка, вооруженного 75-мм пушкой и тремя пулеметами...» (12).

В мемуарах Гота и Гудериана первые сообщения о «сверхтяжелом русском танке» (т. е. KV) относятся только к началу июля 1941 г.

Обсуждение вопроса о том, как военная разведка крайне агрессивного государства могла на протяжении полутора лет не замечать появления новых типов танков в серийном производстве у главного потенциального противника Германии, выходит за пределы нашей книги. Это – тема для отдельного разговора. Для нашего же расследования достаточно отметить тот факт, что немецкие пехотные дивизии не только не получили новые противотанковые пушки в достаточных количествах, но и само появление из чащи белорусских лесов огромных 50-тонных бронированных монстров должно было стать для них **страшной неожиданностью**.

Эффект внезапности – важнейшее на войне условие успеха – усиливался еще и тем, что своевременно выявить факт сосредоточения в районе Белостока мощной ударной группировки немецкая разведка также не смогла. Утренняя сводка штаба 9-й армии (Группа армий «Центр») от 23 июня 1941 г. дословно гласит: *«Несмотря на усиленную разведку, в районе Белостока пока еще не обнаружено крупных сил кавалерии и танков...»* Только вечером 23 июня в донесении

отдела разведки и контрразведки штаба 9-й армии вермахта отмечено «*появление в районе южнее Гродно 1-й и 2-й мото-мехбригад*» (61). Что сие означает? Никаких «мехбригад» в составе Западного фронта не было, среди шести танковых и моторизованных дивизий КМГ Болдина не было ни одной с номерами 1 или 2. Ясно только то, что в конце концов немцы не смогли не увидеть движения огромных танковых колонн, но произошло это уже буквально за считанные часы до начала контрнаступления советских войск.

Однако разгром немецко-фашистских войск под Гродно и Вильнюсом так и не состоялся.

Без свидетелей

По большому счету, вообще ничего не состоялось.

«Вследствие разбросанности соединений, неустойчивости управления, мощного воздействия авиации противника сосредоточить ударную группировку в назначенное время не удалось. Конечные цели контрудара (уничтожить сувалкинскую группировку противника и овладеть Сувалками) не были достигнуты, имелись большие потери...»

Вот дословно все, что сказано о ходе и результате контрудара КМГ Болдина в самом солидном историческом исследовании «перестроечных времен» – в монографии «1941 год – уроки и выводы», составленной в 1992 г. военными историками Генерального штаба (тогда еще «объединенных Вооруженных сил СНГ»). За фразой о «больших потерях» скрывается тот факт, что все три соединения, принявшие участие в контрударе КМГ Болдина (6-й МК, 11-й МК, 6-й КК) были полностью разгромлены, вся боевая техника брошена в лесах и на дорогах, большая часть личного состава оказалась в плену или погибла, немногие уцелевшие мелкими группами в течение несколько недель и месяцев выбирались из окружения и вышли к своим уже тогда, когда линия фронта откатилась ко Ржеву и Вязьме.

В предыдущих основополагающих трудах советских историков (12-томной «Истории Второй мировой войны» и 6-

томной «Истории Великой Отечественной войны») и вовсе не было ничего, кроме невятной констатации того факта, что «контрудары советских войск, предусмотренные Директивой № 3, оказались безрезультатными». В широко известных, ставших уже классикой военно-исторических трудах немецких генералов (Типпельскирх, Бутлар, Блюментрит) о контрударе советских войск в районе Гродно – ни слова.

В мемуарах Г. Гота («Танковые операции») мы не находим никаких упоминаний о наступлении Красной Армии в районе Гродно. Похоже, командующий 3-й танковой группой вермахта так никогда и не узнал о том, что во фланг и тыл его войск нацеливалась огромная танковая группировка противника.

Некое упоминание о боевых действиях в районе запланированного контрудара КМГ Болдина появляется в хрестоматийно известном «Военном дневнике» Ф. Гальдера, но только в записях от 25 июня 1941 г.: *«Русские, окруженные в районе Белостока, ведут атаки, пытаясь прорваться из окружения на север в направлении Гродно... довольно серьезные осложнения на фронте 8-го армейского корпуса, где крупные массы русской кавалерии атакуют западный фланг корпуса...»* Но уже вечером того же дня (запись от 18.00 25 июня) Гальдер с удовлетворением констатирует: *«Положение южнее Гродно стабилизировалось. Атаки противника отбиты...»*

В дальнейшем к описанию этих событий Гальдер нигде не

возвращается, да и описание это выглядит достаточно странно — все же главной ударной силой КМГ были отнюдь не «крупные массы кавалерии», а два мехкорпуса. Не факт, что эти записи вообще имеют какое-то отношение к действиям КМГ Болдина: «серьезные осложнения» должны были возникнуть в полосе наступления 20-го армейского корпуса вермахта (162-я и 256-я пд), которому предстояло встретиться с лавиной советских танков, но об этом Гальдер вообще ничего не говорит...

Скорее всего, к боевым действиям КМГ Болдина имеет отношение следующая запись (от 24 июня 1941 г.) в дневнике командующего Группой армий «Центр» фельдмаршала фон Бока: *«Русские отчаянно сопротивляются; имели место сильные контратаки в районе Гродно против 8-го и 20-го армейских корпусов...»* Через день, в записи от

26 июня, Бок (так же, как и Гальдер) констатирует: *«Положение 20-го корпуса на правом крыле армии опасений больше не внушает. В любом случае, он не «испепелен дотла», как об этом кое-кто говорил вчера, и даже находится во вполне боеспособном состоянии. Как бы то ни было, такие слухи свидетельствуют о том, что противник предпринимал отчаянные попытки выбраться из «котла»* (174, стр. 51, 54).

Примечательно, что ни Гальдер, ни Бок даже не упоминают о каком-либо участии крупных танковых соединений в этих контратаках; более того, запланированный в Москве и Минске решительный контрудар во фланг и тыл сувалкин-

ской группировки противника сам противник расценивает лишь как «отчаянные попытки выбраться из «котла»...

Как и следовало ожидать, более драматично описывают события офицеры вермахта, которые находились на гораздо более низких ступеньках командной лестницы. То, что для начальника Генштаба или командующего Группой армий было всего лишь локальными и временными «осложнениями», на уровне полков и батальонов воспринималось как ожесточенные бои. Так, в истории 256-й пехотной дивизии вермахта читаем:

«...В 2 часа ночи 24 июня передовым частям фон Борнштедта и 481-му пехотному полку удалось прорваться в Кузницу и захватить целыми и невредимыми переходы через Лососну (лесная речка, западный приток Немана. – М.С.). С этого момента начались жесточайшие бои за передmostное укрепление, образованное дивизией... в течение 24 и 25 июня пришлось отбить тяжелые атаки вражеских танков (обер-лейтенант Пеликан один со своей батареей «штурмовых орудий» вывел из строя 36 танков)...» (175).

Если последнее утверждение хотя бы наполовину соответствует действительности, то доблестного Пеликана следовало тогда же наградить (скорее всего – посмертно) Рыцарским крестом. Батарея «штурмовых орудий» (Sturmgeschütz) – это всего лишь 6 (шесть) самоходных орудий, представлявших собой шасси среднего танка Pz-III, на котором в неподвижной броневой рубке была установлена короткостволь-

ная (длина ствола в 24 калибра) 75-мм пушка. Пушку эту в вермахте называли «окурок»; вследствие низкой начальной скорости снаряда по параметрам бронепробиваемости она уступала даже 37-мм «колотушке» или советской танковой 45-мм пушке. Впрочем, «штурмовое орудие» для борьбы с танками и не предназначалось – его задачей была огневая поддержка пехоты. Действуя непосредственно в боевых порядках пехотных подразделений, «штурмовые орудия» должны были огнем и гусеницами уничтожать пулеметные гнезда, минометные батареи, блиндажи и дзоты противника; для стрельбы же с предельно коротких дистанций по незащищенным броней или бетоном целям большая начальная скорость снаряда и не нужна.

Пробить броню Т-34 или КВ «окурок» не мог даже теоретически, даже стреляя в упор, поэтому якобы уничтоженные батареей обер-лейтенанта Пеликана 36 советских танков могли быть только легкими танками Т-26 или БТ, но и в бою с ними шансы «штурмового орудия» были очень малы: поворотной танковой башни на «штурмовом орудии» нет по определению, соответственно, для стрельбы по маневрирующему на поле боя танку приходилось поворачиваться всем корпусом, неизбежно подставляя под огонь противника 30-мм бортовую броню, которую советская 45-мм танковая пушка пробивала на километровой дальности... Впрочем, вне зависимости от всех этих теоретических рассуждений, потеря 36 легких танков никак не может служить объ-

яснением причин полного разгрома КМГ Болдина, на вооружении которой (повторим это еще раз) было порядка 1,5 тыс. танков.

Если бы мы писали фантастический роман ужасов, то сейчас самое время было бы рассказать о том, как из мрачной бездны белорусских болот поднялось НЕЧТО и поглотило без следа огромную бронированную армаду.

Но жанр этой книги – документальное историческое исследование, и списать разгром на «нечистую силу» нам, к сожалению, никак не удастся.

Да и пропала КМГ Болдина отнюдь не бесследно. *«Дорога Белосток – Волковыск на всем своем протяжении является сцены полного разгрома. Она загромождена сотнями разбитых танков, грузовиков и артиллерийских орудий всех калибров»,* – записывает в своем дневнике фон Бок. В приказе же, подписанном фельдмаршалом Боком 8 июля 1941 г., сообщается, что войсками Группы армий «Центр» *«захвачено и уничтожено 2585 танков, включая самые тяжелые»* (174, стр. 74). По рассказам местных жителей, собранным энтузиастами из Минского поискового объединения «Батьковщина», *«в конце июня 1941-го район шоссе Волковыск – Слоним было завалено брошенными танками, сгоревшими автомашинами, разбитыми пушками так, что прямое и объездное движение на транспорте было невозможно... Колонны пленных достигали 10 км в длину...»* (8).

Фраза о многокилометровых колоннах пленных может

показаться кому-то обычным преувеличением людей, ставших очевидцами гигантской катастрофы. Увы. Даже по данным вполне консервативного (в хорошем смысле этого слова) исследования современных российских военных историков («Гриф секретности снят»), безвозвратные потери Западного фронта за первые 17 дней войны составили 341 тысячу человек, а санитарные потери – 76,7 тыс. человек (35, стр. 163). Принимая стандартное для всех войн XX столетия соотношение убитых и раненых как 1 к 3, мы приходим к цифре в 310–315 тыс. «пропавших без вести», т. е. пленных и дезертиров. Стоит отметить, что эти, полученные чисто расчетным путем цифры вполне совпадают и с давно известными немецкими сводками, в соответствии с которыми в ходе сражения в районе Минск – Белосток вермахт захватил 288 тысяч пленных.

Пролить свет на причины разгрома КМГ могли бы мемуары советских генералов – да только мало кому удалось их написать. Командир 6-го кавкорпуса генерал-майор И.С. Никитин попал в плен и был расстрелян немцами в концлагере в апреле 1942 г. (20, 124).

Командир 36-й кавдивизии 6-го кавкорпуса генерал-майор Е.С. Зыбин попал в плен, где активно сотрудничал с фашистами. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР расстрелян 25 августа 1946 г. Он не реабилитирован и по сей день (20, 124).

Командир 6-го мехкорпуса Хацкилевич погиб 25 июня.

Обстоятельства его гибели по сей день неизвестны. Несколько дней спустя у местечка Клепачи Слонимского района была подбита бронемашина, на которой офицеры штаба 6-го мехкорпуса пытались вывезти тело погибшего командира. При этом был смертельно ранен начальник артиллерии корпуса генерал-майор А.С. Митрофанов.

Начальник штаба 6-го мехкорпуса полковник Е.С. Коваль пропал без вести.

Заместитель командира 6-го МК полковник Д.Г. Кононович пропал без вести.

Командир 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса, генерал-майор А.Г. Потатурчев попал в плен, после освобождения из концлагеря в Дахау был арестован органами НКВД и умер в тюрьме. Посмертно реабилитирован в 1953 г. (20, 124).

Командир 29-й моторизованной дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор И.П. Бикжанов попал в плен, после освобождения до декабря 1945 г. «проходил спецпроверку в органах НКВД». В апреле 1950 г. уволен в отставку «по болезни». Дожил до 93 лет, но мемуаров не печатал.

Командир 7-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса генерал-майор С.В. Борзилов смог выйти из окружения после разгрома КМГ; погиб 28 сентября 1941 г. в боях за Крым.

Начальник штаба 11-го мехкорпуса Мухин пропал без вести. Попали в плен и погибли в гитлеровских концлагерях заместитель командира 11-го мехкорпуса Макаров и началь-

ник артиллерии корпуса Старостин.

Командир 29-й танковой дивизии 11-го мехкорпуса полковник Н.П. Студнев вышел из окружения и позднее погиб в боях летом 1941 г.

Начальник штаба 29-й тд Каланчук попал в плен в начале июля 1941 г.

Командир 204-й моторизованной дивизии 11-го МК полковник А.М. Пиров пропал без вести в августе 41-го (8, 20, 124).

Ну, а судьба высшего командования Западного фронта была еще более трагична.

Командующий Западным фронтом, герой обороны Мадрида и бывший начальник Главного автобронетанкового управления РККА генерал армии Д.Г. Павлов 4 июля был арестован и 22 июля 1941 г., ровно через месяц после начала войны (любил, любил товарищ Сталин театральные эффекты!), приговорен к расстрелу.

По тому же делу, за *«трусость, бездействие и паникерство, создавшие возможность прорыва фронта противником»* (67, 81), были расстреляны:

- начальник штаба фронта В.Е. Климовских;
- начальник связи фронта А.Т. Григорьев;
- начальник артиллерии фронта Н.А. Клич;
- командующий 4-й армией Западного фронта А.А. Коробков;
- заместитель командующего ВВС фронта Таюрский.

Командующий ВВС Западного фронта, Герой Советского Союза, ветеран боев в Испании, генерал-майор И.И. Копец застрелился (или был застрелен) в первый день войны, 22 июня 1941 г.

Внимательный читатель наверняка уже заметил отсутствие в этом скорбном списке расстрелянных генералов одной фамилии.

А ведь это действительно очень странно. И по воинскому званию (генерал-лейтенант), и по занимаемой должности (зам. командующего фронтом) И.В. Болдин стоял выше всех репрессированных, за исключением самого Павлова, конечно. И если все командование фронта было повинно в «преступном бездействии и развале управления войсками», то как же смог остаться безнаказанным руководитель главной ударной группировки Западного фронта?

Оправдаться неопытностью Болдин никак не мог. В его послужном списке было уже два «освободительных похода»: в Польшу (сентябрь 1939 г.) и в Бессарабию (июнь 1940 г.). Причем во время вторжения в Польшу в сентябре 1939 г. комкор Болдин командовал конно-механизированной группой Белорусского фронта, которая вела наступление по линии Слоним – Волковыск и после ожесточенного боя 20–21 сентября штурмом взяла г. Гродно, т. е. места боев были Болдину хорошо знакомы. Скорее всего, разгадка счастливой судьбы Болдина очень проста. Своевременно вызвать его на расстрел чекисты просто не смогли – с конца июня

по начало августа он находился в окружении и был для них недоступен. Ну а в августе 41-го, после разгрома большей части кадровой армии, после пленения десятков генералов (всего за шесть месяцев 1941-го г. в немецком плену оказалось 63 генерала), Сталин стал более сдержан в расстрелах оставшихся в строю командиров. Более того, после выхода из окружения Болдин был отмечен добрым словом в приказе Верховного Главнокомандующего, повышен в звании и вскоре назначен командующим 50-й армией.

Написанные после войны мемуары Болдина являются одним из немногих источников по истории разгрома ударной группировки Западного фронта. Увы, тяжелейший психический стресс, который пришлось пережить генералу Болдину, не прошел бесследно. Главный мотив его мемуаров – тупой и бездушный солдафон Павлов все испортил: *«...Отходя от аппарата, я подумал: как далек Павлов от действительности! У нас было мало сил, чтобы контратаковать противника... Но что делать? Приказ есть приказ! Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей (по чьей вине «несуществующей»)? – М.С.) ударной группе одно боевое распоряжение за другим. Зачем понадобилось Павлову издавать эти распоряжения? Кому он направлял их? (похоже, Болдин так и не понял, что задача, которую он с позором провалил, была поставлена именно перед ним. – М.С.). Возможно, они служили только для того, чтобы создавать перед Москвой ви-*

димост, будто на Западном фронте предпринимаются какие-то меры для противодействия наступающему врагу...» (80).

Но и это еще «цветочки». В очень серьезном документе, в докладной записке, поданной в ходе реабилитации Павлова и его «подельников» в июле 1957 г., Болдин (к тому времени уже генерал-полковник) написал дословно следующее:

«...Павлов виноват в том, что просил Сталина о назначении на должность командующего войсками округа, зная о том, что с начала войны он будет командующим войсками фронта. Павлов, имея слабую оперативную подготовку, не мог быть командующим войсками фронта... Начальник штаба фронта Климовских виноват в том, что попал под влияние Павлова и превратился в порученца Павлова...» (81, стр. 194).

О том, кто же обладал «неслабой оперативной подготовкой», Болдин скромно промолчал. Многое становится понятней, если вспомнить о том, что до назначения на должность заместителя командующего Западным Особым военным округом Болдин был командующим войсками Одесского военного округа. Согласитесь, быть первым руководителем в Одессе и стать замом в Минске – это две большие разницы...

Впрочем, самым старшим по званию и должности полководцем, руководившим контрударом конно-механизированной группы Западного фронта, был вовсе не Болдин, а

маршал Кулик. Крупный советский военачальник, заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии... Один из людей, лично видевших маршала Кулика, оставил об этой встрече такие воспоминания:

«...В глубине кабинета открылась дверь, и в нее ввалился маршал Кулик – солидной величины человек. Его лицо было буро-красным и довольно внушительным по своему размеру... Речь его состояла из каких-то совершенно не связанных между собой и бессмысленных в отдельности фраз. Это была чистейшей воды ахиня, бред полупьяного. Самое страшное, что перед командирами стоял не только маршал, но и заместитель Наркома обороны СССР...» (163).

24 июня 1941 г. маршал Кулик прибыл в штаб КМГ Болдина в качестве полномочного представителя Ставки (т. е. товарища Сталина) на Западном фронте. Правда, командовал контрнаступлением он совсем не долго. *«Маршал Кулик приказал всем снять знаки различия, выбросить документы, затем переодеться в крестьянскую одежду и сам переоделся... Предлагал бросить оружие, а мне лично ордена и документы. Однако, кроме его адъютанта, никто документов и оружия не бросил...»*

Вот так, коротко и ясно, выглядит в донесении начальника 3-го отдела (т. е. контрразведки) 10-й армии руководящая роль заместителя наркома обороны в боевых действиях Западного фронта (176). Вопреки слухам о том, что «при Ста-

лине в стране был порядок», за все это Григория Ивановича только поругали. Даже маршальские звезды, выброшенные им в кустах, Кулику вернули.

Более того, биография полководца Кулика еще только начиналась. 2 сентября 1941 г. Кулика назначили командующим Отдельной 54-й армией, которой было поручено деблокировать Ленинград. Результат – полный провал, после которого 26 сентября 1941 г. Сталин приказал *«командующего 5-й армией маршала Кулика отозвать в распоряжение Ставки»*. 8 ноября 1941 г. Кулик был командирован для укрепления обороны Керчи – последнего оставшегося в руках Красной Армии клочка Крыма. Прибыв на Кубань в качестве полномочного представителя Ставки (и отметившись, будем справедливы, двухчасовым визитом в Керчь), Кулик серьезно занялся вопросами продовольственного снабжения. Самого себя. Самые скоропортящиеся деликатесы были отправлены молодой, четвертой по счету, жене «красного маршала» военно-транспортным самолетом, все остальное (в том числе 50 кг сала, 200 бутылок коньяка, 40 ящиков мандаринов, 20 кг черной икры) было загружено в спецвагон и отправлено в Москву (81, стр. 238).

В феврале 1942 г. за это мародерство в зоне боевых действий Кулика отдали первый раз под суд и примерно наказали: понизили в воинском звании с маршала до генерал-майора, сняли с поста замнаркома и вывели из ЦК. В партии коммунистов – борцов за всеобщее равенство и братство – по-

ка еще оставили. Весной 1943 года Кулик опять всплыл. За неведомые заслуги его повысили в звании и даже дали покомандовать 4-й Гвардейской армией. Покомандовал... Пришлось вскоре снять и отправить от греха подальше на должность заместителя начальника Главного управления формирования Красной Армии. В апреле 1945 г. за развал боевой подготовки в запасных воинских частях и «бытовое разложение» (т. е. за систематическое пьянство и распутство) сняли и с этой работы, снова понизили в звании до генерал-майора.

Второй, последний и окончательный приговор был приведен в исполнение только 24 августа 1950 г. После того, как Военная коллегия Верховного суда установила, что в пьяных разговорах товарищ Кулик частенько поругивал ту партию, которая вознесла и столько лет держала это ничтожество на вершинах власти. Вот этого товарищ Сталин никому не прощал. Даже своим любимцам.

Невероятно, но и на этом удивительная биография Кулика все еще не заканчивается! В апреле 1956 г. его реабилитировали, а в 1957 г., не без ведома старого его товарища, все-сильного тогда министра обороны СССР Жукова, даже «восстановили» в звании Маршала Советского Союза! Кавычки при слове «восстановили» стоят не случайно. На момент второго ареста Кулик был генерал-майором, так что правильнее было бы говорить об уникальном, единственном в своем роде случае посмертного (!!!) повышения в звании, да еще на целых четыре ступени...

Строго говоря, уже одно только наличие таких военачальников, как Кулик и Болдин, могло обречь войска на небывалый разгром. В поисках других причин обратимся к подробному разбору хода боевых действий.

Первый бой

Прежде всего следует отметить, что совместные действия Северо-Западного и Западного фронтов так и не состоялись. Главные ударные силы Северо-Западного фронта—12-й мехкорпус генерал-майора Шестопалова и 3-й (без 5-й танковой дивизии) мехкорпус генерал-майора Куркина – были перенацелены с направления Каунас – Сувалки (как это было предписано Директивой № 3) на северо-запад, в направлении г. Шауляй, где 23–24 июня произошло крупное танковое сражение с главными силами 4-й танковой группы вермахта. Что же касается 5-й танковой дивизии, то она по приказу командующего Северо-Западным фронтом утром 22 июня была выведена из состава 3-го мехкорпуса и передана в непосредственное подчинение командующего 11-й армией.

С середины июня 1941 г. войска 11-й армии, равно как и все прочие соединения Прибалтийского особого военного округа (будущего Северо-Западного фронта), в обстановке строжайшей секретности были приведены в состояние полной боевой готовности. Уже 15 июня 1941 г. командующий войсками округа генерал-полковник Ф.И. Кузнецов издал приказ № 0052, в котором напомнил своим подчиненным, что *«именно сегодня, как никогда, мы должны быть в полной боевой готовности... в любую минуту мы должны быть готовы к выполнению любой боевой задачи»* (19, стр.

8). Далее в приказе давались уже вполне конкретные указания: «...Проволочные заграждения начать устанавливать **немедленно** (здесь и далее подчеркнуто мной. – М.С.)...

С первого часа боевых действий организовать охранение своего тыла, а всех лиц, внушающих подозрение, немедленно задерживать и устанавливать быстро их личность... Самолеты на аэродромах **рассредоточить и замаскировать** в лесах, кустарниках, не допуская построения в линию... Парки танковых частей и артиллерии **рассредоточить**, разместить в лесах, тщательно замаскировать, сохраняя при этом возможность в установленные сроки собраться по тревоге... Командующему армией, командиру корпуса и дивизии составить календарный план выполнения приказа, который **полностью выполнить к 25 июня с.г.**» (19, стр. 11–12).

18 июня 1941 г. командующий Прибалтийским ОВО издает следующий приказ: «...Начальнику зоны противовоздушной обороны **к исходу 19 июня 1941 г.** (здесь и далее подчеркнуто мной. – М.С.) привести в полную боевую готовность всю противовоздушную оборону округа... Не позднее утра 20.6.41 г. на фронтовой и армейские командные пункты выбросить команды с необходимым имуществом для организации на них узлов связи... Наметить и изготовить команды связистов, которые должны быть готовы **к утру 20.6.41 г.** по приказу командиров соединений взять под свой контроль утвержденные мною узлы связи... Создать на на-

правлениях Тельшай, Шяуляй, Каунас, Кальвария подвижные отряды минной противотанковой борьбы. Для этой цели иметь запасы противотанковых мин, возимых автотранспортом. **Готовность отрядов к 21.6.41 г... План разрушения мостов утвердить Военным Советам армий.** Срок выполнения **21.6.41 г.** Отобрать из частей округа (кроме авиационных и механизированных) все бензоцистерны и передать их по 50 % в 3-й и 12-й механизированные корпуса. Срок выполнения **21.6.41 г.»** (19, стр. 22–25).

На обложке «Сборника боевых документов» № 34 (из которого процитированы эти приказы) стоит штампик: «Рассекречено». Номер Директивы Генштаба о рассекречивании и дата: 30.11.65 г. Шестьдесят пятого года. Десятки лет корифеи советской военно-исторической «науки» знали – или, по меньшей мере, должны были знать – содержание этих документов, но они продолжали из года в год рассказывать байки про «внезапное нападение» и «мирно спящую советскую страну»...

К сожалению, СБД № 34 является единственным сборником боевых документов округов (фронтов), в который было включено хотя бы несколько документов периода до 22 июня 1941 г. Все остальные сборники (как, впрочем, и все доступные независимым исследователям фонды ЦАМО) начинаются сразу с 22 июня, со дня «внезапного нападения». Все, что предшествовало этой ужасной «неожиданности», благополучно обойдено молчанием. Но – нет правил без исклю-

чений. В СБД № 33 (боевые документы механизированных корпусов) каким-то образом попал (причем даже не в самом начале, а на восьмом месте, после документов июля 1941 г.) приказ командира 12-го мехкорпуса № 0033 от 18 июня (28, стр. 23–24). Документ украшен грифом «Особой важности», что для документов корпусного уровня является большой редкостью. Приказ № 0033 начинается такими словами: «С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. **Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять** (подчеркнуто мной. – М.С.)... С собой брать только необходимое для жизни и боя». Далее идет указание начать в 23 ч 00 мин 18 июня выдвижение в районы сосредоточения, причем все конечные пункты маршрутов находятся в лесах!

Точный текст аналогичного приказа по 3-му мехкорпусу автору этой книги обнаружить не удалось, но известно, что 5-я танковая дивизия готовилась к скорому и неизбежному началу военных действий так же, как и все остальные части и соединения Прибалтийского ОВО: 18 июня все части дивизии были подняты по тревоге, выведены из мест постоянной дислокации и развернуты вдоль восточного берега Немана в районе г. Алитус и южнее (8). Таким образом, 5-я тд оказалась именно в том районе (Алитус – Меркине), на который было нацелено острие немецкого «танкового клина».

Непосредственно на Алитус наступали 20-я и 7-я танко-

вые дивизии из состава 3-й танковой группы вермахта. К полудню 22 июня немецкая 20-я тд, преодолев расстояние в 60 км от приграничного поселка Кальвария до Алитуса, форсировала Неман по мосту, который так и не был взорван, несмотря на наличие «плана разрушения мостов, утвержденного Военным советом армии» (см. выше). Главный советский специалист по истории начального периода Великой Отечественной войны, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории элитного МГИМО товарищ Анфилов в одной из своих многочисленных монографий дает такое объяснение этому факту:

«Форсирование противником Немана в короткие сроки оказалось возможным потому, что понтонеры 4-го понтонно-мостового полка, вследствие сложности обстановки и неполучения от общевойсковых командиров приказа на подрыв, мосты в вышеуказанных районах не взорвали» (177, стр. 67).

Здесь мы первый (но далеко еще не последний) раз сталкиваемся с удивительной логикой советских историков: злополучная «сложность обстановки» воспринимается (и навязывается читателям) как некое стихийное бедствие, как уважительная, «объективная» (т. е. от действия или бездействия людей не зависящая) причина, разом оправдывающая ВСЕ. При этом даже не обсуждается вопрос о том, что же было причиной, а что – следствием; сложность ли обстановки привела к потере такого важнейшего оборонительного рубе-

жа, каким должен был стать полноводный Неман, или, напротив, массовое неисполнение конкретными командирами своих прямых обязанностей позволило немцам беспрепятственно пересечь Неман. Что и создало «сложную обстановку»...

В воспоминаниях мл. лейтенанта А.Т. Ильина (накануне войны он был начальником химслужбы автотранспортного батальона 5-й танковой дивизии) обнаруживаются весьма примечательные детали этой «сложности обстановки»:

«Наша 5-я тд заблаговременно по боевой тревоге вышла на восточный берег р. Неман и заняла оборону за несколько дней до начала войны. Когда заняли оборону, меня назначили делегатом связи между штабом дивизии и автотранспортным батальоном... Примерно в 11.30 привели к штабу мокрую женщину, переплывшую Неман, которая сказала, что за городом она видела немецкие танки, но тут же прокурор крикнул «провокация», «шпионка» и сразу застрелил ее. А 30 минут спустя возле моста бойцы задержали мужчину, который был литовцем и на ломаном русском нам сказал, что немецкие танки уже в городе, но и этого оперуполномоченный застрелил, обозвав его провокатором...» (178).

Впрочем, никакая река сама по себе «оборонительным рубежом» не является. В конце концов, при отсутствии вооруженного противника на такой реке, как Неман, можно в течение нескольких часов навести понтонный мост. Оборону рубежа обеспечивают (или не обеспечивают) люди, бойцы и ко-

мандиры соответствующих воинских частей и соединений. 22 июня 1941 г. в районе г. Алитус таким соединением могла (а в соответствии с планами и распоряжениями командования 11-й армии – должна была) стать 5-я танковая дивизия. В боевом донесении, которое в 9.35 22 июня командующий Северо-Западным фронтом направил наркому обороны СССР, сообщалось, что *«5-я танковая дивизия на восточном берегу р. Неман в районе Алитус будет обеспечивать отход 128-й стрелковой дивизии (находившаяся непосредственно у границы дивизия 11-й армии. – М.С.) и прикрывать тыл 11-й армии от литовцев, а также не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман севернее Друскининкай»* (19, стр. 37).

Примечательно, что задача *«прикрывать тыл 11-й армии от литовцев»* (имелись в виду две дивизии 29-го стрелкового корпуса Красной Армии, сформированные в 1940 г. на базе вооруженных сил «освобожденной Литвы») стоит на первом месте, а задача *«не допускать переправы противника на восточный берег р. Неман»* сформулирована как дополнительная (*«а также»*). Но, разумеется, не этот казус должен привлечь наше внимание. Главное – это то, что 5-я танковая дивизия обладала реальными возможностями для того, чтобы не просто задержать продвижение немецкой 20-й тд, но и разгромить ее наголову.

5-я танковая (как и весь 3-й мехкорпус) входила в число танковых соединений «первой волны» (первые восемь мех-

корпусов были сформированы летом 1940 г.) и была практически полностью укомплектована боевой материальной частью. Артиллерийского вооружения было даже больше штатного расписания (см. табл.)

Таблица

	37-мм зенитка	45-мм ПТО	76-мм	122-мм	152-мм	мином. 50-мм	мином. 82-мм
штат	12	0	4	12	12	27	18
факт	12	12	6	12	24	32	18

Несмотря на заметный «переизбыток» артиллерии, различных средств мехтяги (65 тракторов и тягачей) вполне хватало для ее буксировки (37-мм зенитки и минометы перевозились на автомашинах и в гусеничных тягачах не нуждались). Уже в ноябре 1940 г. (т. е. задолго до начала скрытой мобилизации весны 1941 г.) в 5-й танковой дивизии числилась 1051 автомашина всех типов, в том числе – 92 автоцистерны (при штатной норме соответственно 1360 и 139) (179). Впрочем, численность автотранспорта и тягачей не имела существенного значения в ситуации, когда свой первый и единственный бой 5-я танковая дивизия приняла непосредственно в районе предвоенного развертывания.

Главной составляющей вооружения 5-й танковой дивизии были, разумеется, танки: 188 легких (170 БТ и 18 Т-26), 30

трехбашенных Т-28 (это танк огневой поддержки пехоты, вооруженный короткоствольной 76-мм пушкой – аналогом немецкого «окурка» – и двумя пулеметами в отдельных вращающихся башнях), 50 новейших Т-34. Не вполне ясен вопрос с наличием на вооружении 5-й танковой дивизии тяжелых танков КВ.

В большинстве источников о них ничего не сказано, но, с другой стороны, известно, что всего на вооружении 3-го МК уже в конце апреля 1941 г. числилось 78 танков КВ (180). Тяжелые танки могли быть только на вооружении двух танковых дивизий корпуса (2-я тд и 5-я тд). Даже если предположить, что 2-я танковая дивизия была полностью укомплектована танками КВ до штатной нормы (63 единицы), то и в этом случае «на долю» 5 тд должно было остаться как минимум 15 тяжелых КВ. Если же исходить из приведенных в весьма авторитетном источнике (8) данных о наличии на вооружении 2-й танковой дивизии 51 танка КВ, то чисто арифметически в составе 5-й танковой должно было оказаться 37 танков КВ.

Много ли это – 37 танков КВ и 50 Т-34 – в составе одной танковой дивизии? Все познается в сравнении. Для того чтобы по достоинству оценить вооружение и боевые возможности 5-й танковой дивизии, следует сравнить их с вооружением противника, т. е. 20-й танковой дивизии вермахта.

Единственным немецким танком, который летом 41-го хотя бы теоретически мог вести бой с советским Т-34 (но не

КВ!), был средний танк Pz-III последних модификаций (H и J), вооруженный 50-мм пушкой KwK-38. На ближних дистанциях эта пушка могла пробить бортовую броню «тридцатьчетверки» в зоне расположения поддерживающих катков гусеницы (там 45-мм броневой лист был расположен вертикально, без наклона). И хотя для стрельбы в борт противника немецкому танку надо было активно маневрировать на поле боя, и хотя попасть в узкий просвет между катками движущегося танка почти невозможно, и хотя 76-мм пушка, установленная на Т-34, уверенно пробивала лобовую (и тем более 30-мм бортовую) броню Pz-III на километровой дальности, некоторые шансы на успех у экипажа Pz-III все же могли быть. Эти шансы резко возрастали при использовании специального подкалиберного бронебойного снаряда с сердечником из карбида вольфрама, но такие снаряды были большой редкостью, к тому же в силу своих конструктивных особенностей они обычно рикошетировали на наклонных броневых листах «тридцатьчетверки».

Во всей группировке танковых войск вермахта на Восточном фронте было 707 танков Pz-III с 50-мм пушкой. Но в составе 3-й танковой группы не было НИ ОДНОГО танка этого типа (в соседней, 4-й танковой группе таких танков была всего 71 единица). Танковые дивизии 3-й ТГр (в том числе – и 20-я танковая) были вооружены главным образом чешскими танками «Шкода» образца 38-го года, получившими в вермахте обозначение Pz-38 (t). Это легкий танк с противо-

пульным бронированием, маломощным (125 л/с) двигателем и корпусом, собранным на болтах и заклепках (головки которых при попадании вражеского снаряда отрывались и калечили экипаж). О.Кариус, немецкий танкист, встретивший начало войны в 20-й танковой дивизии, вспоминает:

«...8 июля в нас попали. Мне впервые пришлось выбираться из подбитой машины... Мы проклинали хрупкую и негибкую чешскую сталь, которая не стала препятствием для русской противотанковой 45-мм пушки. Обломки наших собственных броневых листов и крепежные болты нанесли больше повреждений, чем осколки и сам снаряд. Мои выбитые зубы скоро оказались в мусорном ведре медпункта...» (183, стр. 15).

Вооружен Pz-38 (t) был 37-мм пушкой А-7 чешского производства, которая хотя и имела несколько большую бронепробиваемость, нежели немецкая 37-мм «колотушка», но для боя с Т-34 была практически бесполезна. В целом Pz-38 (t) по всей совокупности тактико-технических характеристик соответствовал советскому «безнадежно устаревшему» легкому танку Т-26 и существенно уступал (по вооружению, скорости, запасу хода) скоростному танку БТ-7. Но и этого «чудо-оружия» для вооружения танковых дивизий вермахта не хватило, поэтому в 3-й Танковой группе в качестве линейных танков использовались даже легкие учебно-боевые танкетки Pz-I с пулеметным вооружением, для боя с какими-либо советскими танками непригодные в принципе.

Утром 22 июня на вооружении 20-й танковой дивизии вермахта числилось 44 Pz-I, 31 Pz-II (несколько более мощная танкетка, вооруженная 20-мм «пушкой»), 121 Pz-38 (t) и 31 средний танк Pz-IV (вооружен короткоствольным 75-мм «окурком»; последние модификации имели усиленную до 50–60 мм лобовую броню) (10, стр. 206). Соотношение танкового вооружения 5-й советской и 20-й немецкой танковых дивизий можно представить в следующей таблице:

		Т-26	БТ-7	Т-28	Т-34	КВ
5-я тд (сов.)		18	170	30	50	37
20-я тд (нем.)	44	31	121	31		
	Pz-I	Pz-II	Pz-38 (t)	Pz-IV		

В условиях встречного танкового боя советские Т-34 и КВ должны были просто расстрелять весь этот немецкий танковый «зверинец», оставаясь при этом почти в полной безопасности. Более того, встречный бой у Алитуса не был вполне «встречным»: немецкая танковая дивизия подошла к городу и мосту через Неман в походной колонне, в то время как советские танки теоретически могли быть развернуты в боевой порядок и заблаговременно (с 19 по 22 июня) замаскированы на подготовленных огневых позициях.

Никакого «двухлетнего опыта ведения современной войны» (о чем так любили поговорить советские историки-пропагандисты) у немецких танкистов не было и в помине: 20-я танковая дивизия вермахта была сформирована **в октябре**

1940 г.; ни в польской, ни во французской кампаниях она не участвовала, и бой у Алитуса для нее также был первым сражением войны. В упомянутых выше воспоминаниях О. Кариуса читаем:

«...За исключением нескольких офицеров и унтер-офицеров, никто из нас еще не участвовал в боевых действиях. До сих пор мы слышали настоящие выстрелы только на полигоне. Мы верили в старых вояк, имевших Железные кресты и боевые знаки отличия, а они сохраняли полную невозмутимость. У всех прочих не выдерживал желудок и мочевой пузырь...» (183, стр. 11).

Танковый бой у Алитуса (который, скорее всего, был самым первым танковым сражением Великой Отечественной войны) не обойден вниманием советских историков и мемуаристов. Есть, в частности, написанная доктором исторических наук М.В. Ежовым статья, специально посвященная этому трагическому эпизоду войны (178). К сожалению, кажущееся обилие информации отнюдь не способствует установлению истинной картины событий. Скорее наоборот – приведенные факты (если только это «факты», а не выдуманные задним числом «уважительные причины» разгрома мощного танкового соединения) противоречат как друг другу, так и элементарному здравому смыслу. В частности, по имеющимся источникам невозможно ответить на самые простые вопросы: где, когда и какие подразделения 5-й танковой дивизии приняли участие в бою?

Главный Маршал бронетанковых войск СССР П.А. Ротмистров встретил войну в звании полковника и в должности начальника штаба 3-го мехкорпуса (а перед этим он несколько месяцев исполнял обязанности заместителя командира 5-й танковой дивизии). Из его мемуаров следует, что лишь несколько подразделений 5-й тд вступили **вечером** 22 июня в бой с немецкими танками, причем уже **на восточном берегу** Немана:

«...К вечеру 22 июня вражеские дивизии первого эшелона 3-й Танковой Группы, используя захваченные в районе Алитуса и Меркине мосты, переправились через Неман. Пытаясь задержать продвижение противника на Немане, командование 11-й армии бросило в бой 5-ю танковую дивизию. Командир дивизии полковник Ф.Ф. Федоров успел выдвинуть к мосту у Алитуса только артиллерию 5-го мотострелкового полка (а это всего 4 пушки калибра 76-мм. – М.С.), отдельный зенитно-артиллерийский дивизион и 2-й батальон 9-го танкового полка...» (181).

А вот из описания боя, данного в статье М.В. Ежова, следует, что 5-я танковая дивизия встретила немцев значительно большими силами, причем **на западном берегу** реки, **в середине дня** 22 июня, еще до того, как противник форсировал Неман:

*«...К середине дня противник сумел прорваться к Алитусу. Тогда по приказу командования 11-й армии 5-я танковая дивизия выдвинулась **на западный берег Немана** для*

обороны предмостных позиций (здесь и далее подчеркнуто мной. – М.С.) и с ходу завязала бой с частями 20-й танковой дивизии. 10-й танковый полк 5-й дивизии в трех километрах **западнее Алитуса** первым встретил и уничтожил передовой отряд фашистских мотоциклистов. Затем танкисты 9-го танкового полка, артиллеристы 5-го мотострелкового полка и отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона 5-й танковой дивизии, подпустив танки врага на 200–300 метров, открыли по ним огонь прямой наводкой. За 30–40 минут боя они подбили 16 вражеских машин. Продвижение танковой дивизии врага **было приостановлено**.

Тогда на позиции, занятые советскими танкистами **на западном берегу Немана**, враги обрушили бомбовые удары, огонь артиллерии. Они несли тяжелые потери. Вражеским танкам удалось прорваться через мост на восточный берег Немана южнее Алитуса. Но они были сразу же контратакованы подразделениями 5-й танковой дивизии, которые смяли немецкие танки и ворвались в город...»

По другим источникам, бой также начался **днем** 22 июня, на западном берегу Немана, причем в нем наряду с танковыми подразделениями принял участие и один мотострелковый батальон 5-й танковой дивизии:

«На предмостное укрепление у Алитуса комдив-5 направил один мотострелковый батальон, усиленный артиллерией 5-го мотострелкового полка. Позже, по мере готовности, в разное время туда подошли и другие подразделения

дивизии, в том числе 2-й танковый батальон 9-го танкового полка и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. **Уже к полудню** 22 июня эти части были втянуты в танковый бой с прорвавшимися к Алитусу 7-й и 20-й танковыми дивизиями противника...» (8).

Есть сообщения о том, что наряду со 2-м батальоном 9-го танкового полка в бою участвовал и 1-й батальон полка (танки Т-28), находившийся в засаде у моста на восточном берегу Немана.

С другой стороны, из воспоминаний О. Кариуса следует, что до Немана танкисты немецкой 20-й тд дошли, не встретив ни малейшего сопротивления:

«...С волнением мы ожидали первого боевого контакта с русскими. Но ничего подобного не случилось. Поскольку наш батальон головным не был, можно было предполагать такой контакт только в том случае, если авангард будет остановлен. Мы без происшествий достигли первой цели нашего движения в тот день – аэродрома в Алитусе. Счастливые, мы скинули с себя пропыленную форму и были рады, когда, наконец, нашли воду, чтобы как следует помыться.

– Совсем неплохо здесь воевать, – сказал со смешком командир нашего танка унтер-офицер Делер после того, как в очередной раз вытащил голову из бадьи с водой...» (183, стр. 12).

Самое же удивительное заключается в том, что ни в одном источнике (включая документы или мемуары солдат и

командиров противника) даже не упоминается какое-либо участие в бою у Алитуса главной ударной силы 5-й танковой дивизии – танков Т-34 и КВ! Просто не заметить встречу с «тридцатьчетверкой» немцы не могли. В многократно упомянутых выше мемуарах О. Кариуса «первому знакомству» с Т-34 посвящена целая глава, причем встреча эта оставила у немецких танкистов самые яркие воспоминания:

«...Еще одно событие ударило по нас, как тонна кирпичей: впервые появились русские танки Т-34. Изумление было полным. Как могло получиться, что там, наверху, не знали о существовании этого превосходного танка? Т-34 с его хорошей броней, идеальной формой и великолепным 76,2-мм длинноствольным орудием всех приводил в трепет, и его побаивались все немецкие танки вплоть до конца войны. Что нам было делать с этими чудовищами, во множестве брошенными против нас?»

Вот только событие это, изумившее солдат 20-й танковой дивизии вермахта, произошло не у Алитуса, а в начале августа в районе Ельни! Где же 22 июня были 50 танков Т-34 и несколько десятков КВ из состава 5-й танковой дивизии? Они слишком тщательно замаскировались?

Окончательный разгром 5-й танковой дивизии скорее всего произошел уже на восточном берегу Немана, после того, как к полю боя подошли части 7-й танковой дивизии вермахта, переправившиеся через Неман несколько южнее Алитуса (и также по невзорванному мосту). В мемуарах Ротмистрова

это событие описано так:

«...После захвата второго моста через Неман, южнее Алитуса, противник развил стремительное наступление на север и вскоре зажал на восточном берегу Немана главные силы 5-й танковой дивизии с двух сторон. В неравном, крайне ожесточенном бою наше соединение потерпело поражение, потеряв 90 боевых машин, хотя наши воины уничтожили до 170 танков, броневых автомобилей и бронетранспортеров противника».

В документах противника сам факт танкового боя у Алитуса подтверждается. Правда, цифры потерь совершенно другие. Так, в телеграмме, направленной утром 23 июня 1941 г. штабом 3-й танковой группы командованию Группы армий «Центр», читаем:

«...6. Вечером 22 июня 7-я танковая дивизия имела крупнейшую танковую битву за период этой войны (странное выражение для оперативной сводки, составленной на второй день «этой войны». – М.С.) восточнее Алитуса против 5-й танковой дивизии. Уничтожено 70 танков противника. Мы потеряли 11 танков, из них 4 тяжелых (в вермахте Pz-IV считался «тяжелым танком». – М.С.)» (182, стр. 34).

В том, что реальные потери немецких танков оказались на порядок меньше заявленных Ротмистровым, нет ничего странного – подобное завышение потерь противника является не исключением, а нормой для любых оперативных сводок. Удивительно другое: немцы заявляют о том, что уни-

чтожили в бою 70 советских танков (реальная цифра была, видимо, еще меньше), а советский маршал пишет о потере 90 боевых машин! Формально говоря, термин «боевая машина» не тождественен термину «танк», но в данном контексте Ротмистров, конечно же, имел в виду именно танки. Скорее всего, большая цифра понадобилась мемуаристу для того, чтобы подкрепить свое утверждение о том, что *«бойцы и командиры 5-й танковой дивизии, несмотря на всю тяжесть положения, сохраняли мужество и сражались до последнего снаряда, до последнего танка»*. Однако даже после потери 90 танков в 5-й танковой дивизии должно было остаться еще **более 200 танков!** Казалось бы, говорить о «последнем танке» еще рано (далеко не каждая танковая дивизия вермахта к началу боевых действий имела в своем составе 200 танков), тем не менее после боя у Алитуса 5-я танковая дивизия практически перестала существовать как боевое соединение.

Первый (он же и последний) бой 5-й танковой дивизии завершился не то вечером 22 июня, не то утром 23 июня. В процитированном выше документе штаба 3-й ТГр речь идет о вечере 22 июня. То же самое время указано и в монографии Анфилова (*«советские танкисты несколько часов вели ожесточенный, напряженный бой с танками противника у переправ через р. Неман, но с наступлением темноты 22 июня они были вынуждены отступить»*). Однако в мемуарах Г. Гота, бывшего командующего 3-й ТГр, вполне опре-

деленно говорится про утро 23 июня:

«Танковый полк 7-й танковой дивизии, который охранял мосты в Алитусе и ночью был сменен пехотной частью, при выступлении из Алитуса рано утром натолкнулся на подходившую из Варены 5-ю танковую дивизию русских. В «исключительно тяжелом танковом бою», как об этом доложил командир полка, дивизия противника, уступавшего в умении вести одиночный бой, потерпела поражение» (13, стр. 68).

О том, что последний бой 5-й танковой дивизии произошел утром 23 июня, пишут и современные историки (8, 178). Встречаются сообщения и о том, что в ночь с

22 на 23 июня 10-й танковый полк из состава 5-й тд занимался таким странным для танковой части делом, как поиск несуществующего немецкого «парашютного десанта численностью в 660 человек» в районе г. Варена (30 км к юго-востоку от Алитуса).

Столь пристальное внимание к установлению точного времени разгрома 5-й танковой дивизии связано с тем, что уже **на рассвете 24 июня** командир дивизии полковник Ф.Ф. Федоров вместе с остатками своей дивизии (5 танков, 20 бронемашин и 9 орудий) оказался в районе белорусского города Молодечно, т. е. на расстоянии в 170 (сто семьдесят) км по прямой от Алитуса! Генерал армии С.П. Иванова (в начале войны – начальник оперативного отдела штаба 13-й армии Западного фронта) в своих мемуарах описывает встречу с командиром 5-й тд так:

«...Вошел полковник в форме танкиста и доложил, что он является командиром 5-й танковой дивизии... Танковая дивизия полковника Федорова получила задачу обеспечить отход остатков стрелковых частей и не допустить форсирования Немана гитлеровцами севернее Друскининкая. Однако противник, нанося мощные удары авиацией и артиллерией, не дал дивизии выйти к Неману, и у нее тоже были большие потери. На плечах нашей отступающей пехоты вражеские танки прорвались по двум мостам на восточный берег Немана...

– Это непоправимая беда, – сокрушался танкист, – и мне придется расплачиваться за нее головой» (45, стр. 49).

Впрочем, из документов (Оперативная сводка штаба Западного фронта № 4 от 10.00 24.06.41) следует, что полковник Федоров не только «сокрушался», но и занимался тем, что на языке военного трибунала называется «распространение панических слухов»:

«..4. Командир из 5-й танковой дивизии Северо-Западного фронта доложил командующему войсками 13-й армии, что Вильнюс в 17.00 23.6.41 г. занят немцами, которые продолжают наступление» (186, стр. 37). В данном вопросе командир 5 тд сильно «торопил события» – немецкая 7-я танковая дивизия вошла в Вильнюс только утром 24 июня.

Еще одна группа из состава 10-го танкового полка 5-й тд (порядка 15 танков Т-34 и 14 легких Т-26) к исходу 23 июня откатились в район поселка Вороново (20 км к северу от г.

Лида, 80 км от Алитуса), в распоряжение 37-й стрелковой дивизии 21-го стрелкового корпуса Западного фронта (8). В дальнейшем эта группа была сведена в танковый батальон, который 26–27 июня участвовал в контрударе 21-го СК в районе г. Лида. В мемуарах Г. Гота встречается упоминание о том, что 25–28 июня немецкая 19-я тд в районе Вороново – Трабы *«постоянно подвергалась атакам противника при поддержке 50-тонных танков... до 28 июня она отражала атаки с южного направления»*. Возможно, это были танки из состава 5-й тд, безвестные экипажи которых уже после разгрома дивизии продолжали свою войну...

Командование Северо-Западного фронта потеряло к тому времени всякое представление о том, где находятся остатки 5-й тд. В боевом донесении штаба фронта, направленном наркомку обороны СССР в 22.45 24 июня, было сказано: *«5-я танковая дивизия в 14.00 23.6.41 г. вела бой с противником в районе Родзишки (30 км юго-западнее Вильнюса. – М.С.). Положение и местонахождение дивизии 24.6.41 г. неизвестно»* (19, стр. 66). Впрочем, стоит ли говорить про одну дивизию, если два дня спустя штаб Северо-Западного фронта «потерял» уже всю 11-ю армию!

В очередном боевом донесении, отправленном в Москву в 20.35 26 июня, читаем:

«...11-я армия – штаб и Военный совет армии, по ряду данных, пленен или погиб. Немцы захватили шифрдокумент. 5, 33, 188, 128-я стрелковые дивизии неизвестно в каком

состоянии и где находятся. Много отставших и убежавших, задерживаемых [на] направлении Двинск. Много брошено оружия...» (19, стр. 69).

Остатки 11-й армии и ее штаб (он отнюдь не погиб и не был пленен) искала разведывательная авиация. Не немецкая авиация – наша. 30 июня поиски увенчались некоторым успехом. В этот день из Москвы в адрес штаба Северо-Западного фронта (который именно в этот день «перевели» во Псков, т. е. на 450 км от границы) ушла телеграмма, подписанная Г.К. Жуковым: *«В районе ст. Довгилишки, Колтыняны, леса западнее Свенцяны (Швенченис), найдена 11-я армия Северо-Западного фронта, отходящая из района Каунас. Армия не имеет горючего, снарядов, продфуража. Армия не знает обстановки и что ей делать...»*

В классической советской историографии такую неразбериху принято было объяснять пресловутой «потерей связи» – немецкие диверсанты перерезали якобы все провода, а про радиосвязь в Красной Армии якобы никто и не слышал. Связи в частях и соединениях Северо-Западного фронта (как, впрочем, и всех остальных фронтов) действительно не было. Но вот **технические средства радиосвязи были**. И в немалом количестве. И не только на уровне фронтов и армий. Так, в 5-й танковой дивизии уже в июле 1940 г., т. е. почти за год до начала войны, числились (не считая 120 танковых радиостанций 71ТК):

– 1 радиостанция 11АК,

- 23 радиостанции 5АК,
- 87 батальонных и ротных радиостанций (6ПК, РРС, РРУ, РБ – 22) (179).

Теперь стоит пояснить – что обозначают все эти большие буквы. 11АК – это мощная (500 Вт) радиостанция, перевозимая на двух грузовиках. Она обеспечивала телефонно-телеграфную связь в радиусе 300–500 км. 5АК имела размер большого сундука, перевозилась в кузове автомобиля или на конной повозке. Эта рация имела радиус действия 25 км при телефонной связи и 50 км – при телеграфной связи, т. е. полностью (и даже с заметный перекрытием) обеспечивала радиосвязь в полосе фронта наступления дивизии...

Последнее упоминание о судьбе 5-й танковой дивизии в боевых донесениях командования Северо-Западного фронта датировано 2 июля 1941 г.:

«...5-я танковая дивизия 24.6.41 г. в районе Вильнюс была окружена противником и рассеялась. Оставшиеся бойцы и командиры только 26.6.41 г. стали появляться в районе Полоцк (200 км к востоку от Вильнюса, 185 км к северо-востоку от Молодечно) и 30.6.41 г. в районе Псков. Материальная часть боевых машин полностью уничтожена или оставлена на территории противника. Остатки личного состава и материальной части колесных машин сейчас собираются в районе Псков и Полоцк...» (19, стр. 107).

А вот мрачные предчувствия полковника Федорова («мне

придется расплачиваться за это головой») не оправдались. Командира «рассеявшейся» на пространствах в сотни километров дивизии и не расстреляли перед строем уцелевших бойцов, и не отправили рядовым на передовую «искупать вину кровью». Он был назначен начальником Московского учебного автобронетанкового центра, а затем – начальником Соликамского аэросанного училища на Северном Урале. Там, в глубочайшем тылу, за тысячи километров от фронта, его и настигла нелепая смерть от тифа 20 января 1945 г.

«И пошел, командою взметен...»

В реальной истории прорыв немцев на восточный берег Немана означал начало конца Западного фронта Красной Армии. Стремительно продвигаясь по огромной дуге Алитус – Вильнюс – Молодечно, дивизии 3-й танковой группы вермахта вышли к Минску, где 27–28 июня встретились с наступающим вдоль шоссе Брест – Барановичи – Минск 47-м танковым корпусом из состава 2-й танковой группы. В огромном «котле» окружения оказались три четверти соединений Западного фронта. Но 23–24 июня сложившаяся ситуация могла быть оценена совершенно по-иному: немецкие танковые дивизии ушли из района предполагавшегося контрнаступления конно-механизированной группы Болдина, и сокрушительный удар советского танкового «колуна» должен был обрушиться на немецкую пехоту.

Ближе всех к району запланированного наступления находился 11-й мехкорпус Западного фронта (см. Карта № 2). Он и вступил в бой первым. Отрывочная информация об очень коротком боевом пути 11-го мехкорпуса столь же противоречива и маловразумительна, как и приведенные выше сведения об обстоятельствах разгрома 5-й танковой дивизии. Вполне определенно можно констатировать лишь то, что любые упоминания об 11-м МК в традиционной советской историографии сопровождаются потоком горест-

ных причитаний (*«укомплектован на 23 % танками устаревших марок... укомплектованность автотранспортом и тракторными тягачами составляла 15–20 % от штатных норм... укомплектованность офицерами-танкистами составляла 45–55 % от штата...»*). Ну и так далее.

Все это – чистая правда. Вообще. Перейдем теперь к конкретным подробностям. Прежде всего заменим все эти «проценты» абсолютными величинами. Главное вооружение мехкорпуса – танки. Сколько их было?

В исторической литературе встречаются самые разные цифры: 237 единиц (ВИЖ № 4/1989), 360 единиц (интернет-сайт «Мехкорпуса РККА» со ссылкой на ЦАМО, ф. 38, оп. 11373, д. 67), 414 единиц (*«1941 г. – уроки и выводы»*). Автор предлагает взять за основу цифру 331 – именно такое количество танков указано в документе, составленном непосредственными участниками событий. Речь идет про опубликованное в ВИЖ № 9/1989 «Политдонесение политотдела 11-го мехкорпуса Военному совету Западного фронта от 15 июля 1941 г.». Танки в 11-м МК действительно были самыми устаревшими: 242 танка Т-26, 18 огнеметных ОТ-26 и 44 танка БТ старой модификации (БТ-5). Новых танков очень мало: 24 (по другим источникам – 28) средних Т-34 и 3 тяжелых КВ.

К тому же *«до 10–15 % танков в поход не были взяты, так как они находились в ремонте»*.

Итого: порядка 280 боеготовых танков, из них почти все

– легкие и устаревшие.

Вопрос: может ли воевать танковое соединение, вооруженное таким «хламом»?

Все познается в сравнении. Десятки лет советские «историки» почему-то игнорировали это простейшее, очевиднейшее правило. Разумеется, 11-й МК был слабым и «недоделанным» – по сравнению, например, с 6-м мехкорпусом Западного фронта или 3-м мехкорпусом Северо-Западного фронта, на вооружении которых были сотни новейших Т-34 и КВ. Но воевать-то предстояло с немцами, а не со своими фронтовыми соседями! С немецкими танковыми соединениями, с их оснащенностью, с их вооружением, с их возможностями и надо сравнивать боевую мощь 11-го мехкорпуса.

В составе войск пяти западных военных округов было 20 мехкорпусов. Если исключить из этого перечня 17-й МК и 20-й МК, в которых было всего 63 и 94 танка соответственно (в Красной Армии про 94 танка говорили «всего 94»), то остается **18 мехкорпусов**. А в составе сил вторжения вермахта было **17 танковых дивизий**. Вот с ними-то можно и нужно сравнивать наши мехкорпуса, в частности 11-й МК.

Немецкие танковые дивизии и корпуса не имели строго определенного состава. Поэтому возьмем для сравнения **самую крупную танковую дивизию** вермахта, какая только была на всем Восточном фронте. Это 7-я танковая под командованием генерал-майора фон Функа. Такое сравнение тем более уместно, что 7-я тд входила в состав той самой 3-й

танковой группы вермахта, во фланг и тыл которой должна была бы нанести удар КМГ Болдина.

Главное вооружение танковой дивизии – танки. Их в 7-й тд вермахта было **265 единиц**. А в нашем «неукомплектованном» 11-м МК – **331 танк**. Почему-то принято (среди советских пропагандистов принято) считать, что у немцев ничего никогда не ломалось и число боеготовых танков всегда равнялось общему их числу. Даже если принять на веру это абсурдное допущение, то и тогда 11-м МК превосходил самую крупную танковую дивизию вермахта по количеству боеготовых танков (280 против 265).

Теперь от количества перейдем к качеству. К началу войны на вооружении 7-й тд числилось (10, стр. 206):

- 53 танкетки Pz-II;
 - 167 легких танков Pz-38(t);
 - 30 средних танков Pz-IV;
 - 15 «командирских» танков с пулеметным вооружением,
- из них 7 на базе Pz-38(t).

На первый взгляд 11-й МК и 7-я танковая дивизия вермахта обладали примерно равными (и это если не принимать во внимание неоспоримое качественное превосходство советских Т-34 и КВ над немецким Pz-IV) боевыми возможностями. Но это поспешный и абсолютно ошибочный по сути своей вывод.

11-й мехкорпус был значительно сильнее.

«Танк – это повозка для пушки». В этом афоризме, автор-

ство которого приписывается выдающемуся советскому конструктору артиллерии Грабину, есть, конечно, доля преувеличения. Но совсем небольшая. Все параметры танка, какими бы важными они ни были сами по себе, вторичны по отношению к главному – вооружению. Танк создан не для езды и не для укрытия, а для уничтожения. Уничтожения огневых средств и живой силы, командных пунктов и узлов связи в тылу противника, разгрома транспортных колонн и складов в оперативной глубине его обороны.

Так вот, для выполнения этих, основных задач танковых войск 11-й МК был вооружен гораздо лучше, нежели 7-я тд вермахта. Под нашу 45-мм танковую пушку 20К был разработан осколочно-фугасный снаряд весом в 2,13 кг. Такой снаряд давал 100 убойных осколков, поражающих открытую живую силу противника в полосе 15,6 метра. Да, конечно, это очень легкий снаряд (в три раза легче, чем у стандартной «трехдюймовки»), но все же многие цели на поле боя (пулеметное гнездо, минометная батарея) он мог поразить. На вооружении 11-го мехкорпуса было **345 пушек 20К** (286 на танках Т-26 и БТ, 59 на пушечных бронеавтомобилях БА-10).

А на вооружении немецкой 7-й тд было всего **167 танковых пушек** фирмы «Шкода» А-7. Ровно в два раза меньше, чем в 11-м МК. Причем вес немецкого 37-мм осколочного снаряда (690 г) был в три раза меньше, чем у соответствующего снаряда советской 20К, что и обуславливало значи-

тельно меньшее поражающее действие по пехоте и укрытиям противника.

Что же касается легких немецких танкеток Pz II, то установленная на них 20-мм пушка была в принципе не пригодна для борьбы с пехотой и артиллерией. Снарядик весом в 120–145 г, несущий (в разных вариантах) от 4 до 15 г взрывчатого вещества, был очень слаб. Перед войной в СССР пушки такого калибра устанавливались только на самолетах-истребителях, но отнюдь не на бронетехнике. Причем испытания и боевое применение 20-мм авиапушек показали, что «поражение живой силы на открытой местности» возможно лишь при прямом попадании в человека, осколочное же действие 20-мм «снаряда» было совершенно ничтожным.

Разумеется, серьезная «работа» по огневому подавлению противника должна была быть возложена не на легкие танки, а на механизированную гаубичную артиллерию. Вот тут-то главным образом и проявляется разница между советским мехКОРПУСОМ (пусть даже и недоукомплектованным) и немецкой ДИВИЗИЕЙ.

На вооружении артиллерийских полков трех дивизий 11-го МК к началу войны числилось (78):

- 16 гаубиц калибра 152 мм;
- 36 гаубиц калибра 122 мм.

Да, это значительно меньше штатных норм (36 гаубиц калибра 152 мм и 40 гаубиц калибра 122 мм), но на вооружении немецкой танковой дивизии, полностью, «до последней

пуговицы», укомплектованной по штату осени 1940 г., могло быть только:

- 12 гаубиц калибра 150 мм;
- 24 гаубицы калибра 105 мм;
- 4 пушки калибра 150 мм.

Общий вывод очевиден: даже недоукомплектованный 11-й МК по своей огневой мощи превосходил самую крупную танковую дивизию вермахта.

Наконец, в составе любого советского мехкорпуса было больше людей, нежели в любой немецкой танковой дивизии. Что и неудивительно: в корпусе три дивизии и множество отдельных корпусных частей. Конкретнее, в неукомплектованном 11-м мехкорпусе по состоянию на 1 июня 1941 г. несло службу 21 605 человек личного состава, а максимальная штатная численность немецкой танковой дивизии была в полтора раза меньше. Причем 21 605 человек было в 11-м МК по состоянию на 1 июня 1941 г. К 22 июня людей, скорее всего, стало больше, так как в стране полным ходом шла скрытая мобилизация резервистов (всего на «большие учебные сборы» до начала войны успели призвать 768 тыс. человек), а механизированные соединения доукомплектовывались личным составом в первую очередь.

Единственное, в чем 11-й МК уступал 7-й тд противника, так это в количестве автомашин, т. е. в способности мотопехоты, артиллерии и тыловых служб двигаться вслед за наступающим «танковым клином». На вооружении корпуса к

1 июня 1941 г. числилось 920 автомобилей, 148 мотоциклов, 55 тракторов и тягачей. Это значительно (в 5–6 раз) меньше штатных норм. И если бы 11-й мехкорпус действительно перешел в наступление от Гродно на Меркине (60–70 км), как это было предписано приказом Павлова, то не обеспеченная в полном объеме транспортом мотопехота неизбежно отстала бы от танков. Теоретически. В реальности же никакого прорыва в оперативную глубину обороны противника не было и в помине; гнаться за немцами не пришлось – они сами подошли к Гродно, и свой первый и последний бой 11-й МК принял практически в районе довоенной дислокации. В такой ситуации нехватка автомашин не могла иметь решающего значения. Более того, из вышеупомянутого «политдонесения» мы узнаем, что утром 22 июня командование корпуса приняло абсолютно верное решение:

«...По боевой тревоге все части вывели весь личный состав, имеющий вооружение и могущий драться, что составило 50–60 % всего состава, а остальной состав был оставлен в районе дислокации частей... Ввиду необеспеченности автотранспортом 204-й моторизованной дивизии 1-й эшелон из района Волковыск (82 км по шоссе до Гродно. – М.С.) перебросили на автомашинах, а последующие перебрасывались комбинированным маршем (т. е. стрелковые подразделения 204-й мд шли пешком до тех пор, пока их не забирал автотранспорт, возвратившийся после перевозки 1-го эшелона дивизии. – М.С.). Через 7 часов (29-я тд через 3 часа

и 33-я тд – через 4 часа) после объявления боевой тревоги части корпуса заняли район сосредоточения...»

Остается признать, что советские историки были совершенно правы. Никакого «мехкорпуса» в районе Гродно не было. Под названием «11-й мехкорпус» к 10 часам утра 22 июня 1941 г. южнее Гродно сосредоточилась фактически дивизия легких танков, по всем количественным параметрам **значительно превосходящая самую крупную танковую дивизию вермахта.**

Самая крупная, 7-я танковая, дивизия вермахта наделала много бед. Очень подробно, истинно «по-немецки», написанные мемуары командующего 3-й танковой группой Г. Гота (13) позволяют в деталях проследить боевой путь 7-й тд в первые дни и недели войны.

К полудню 22 июня захвачены мосты через Неман у Алитуса, в полдень 23 июня *«танковый полк 7-й тд вышел на дорогу Лида – Вильнюс (75 км восточнее Алитуса), колесные машины дивизии остались далеко позади»* (но что примечательно – немецкий генерал вовсе не делает из этого вывод о том, что дивизия потеряла всякую боеспособность), рано утром 24 июня *«7-я тд после небольшого боя овладела городом Вильнюс, танковый полк дивизии продолжал продвигаться на Михалишки»* (Михалишки – это уже Белоруссия, и уже 180 км к востоку от границы). Далее *«7-я тд вышла 26 июня к автомагистраде Минск – Москва в районе Смоленичи»* (это уже 30 км к востоку от Минска). Таким образом, за

пять дней дивизия прошла 350 км по лесным дорогам Литвы и Белоруссии.

Затем 7-я тд, потерпев неудачу при попытке форсировать Березину у города Борисов, ушла на северо-восток, через Лепель к Витебску. 5 июля в районе Бешенковичи (175 км от Минска) 7-я тд «наткнулась» на подошедший из Московского военного округа полнокомплектный 7-й МК (это тот самый мехкорпус, в составе которого воевал и попал в плен сын Сталина). Разгромив и отбросив к югу советский мехкорпус, 7-я и 20-я тд форсировали Западную Двину между Бешенковичами и Уллой, к 10 июля полностью овладели Витебском, после чего их дороги снова разошлись: 20-я тд ушла на северо-восток, к Велижу, а 7-я тд через Демидов во второй раз вышла на автостраду № 1, на этот раз в районе Ярцева (50 км восточнее Смоленска), преодолев таким образом две трети расстояния от границы до Москвы.

Три месяца спустя, 6 октября 1941 г., именно 7-я танковая в районе Вязьмы в третий раз вышла на автостраду № 1, замкнув таким образом кольцо окружения самого большого за всю войну Вяземского «котла». Затем, в ходе кровопролитного московского сражения 7-я тд прошла еще 245 км на восток, до Яхромы (45 км к северу от Москвы). Только там, у канала Волга – Москва, она и была (если верить знаменитому сообщению Совинформбюро от 13 декабря 1941 г.) разбита войсками 1-й Ударной армии. Правда, по немецким данным, 7-я танковая воевала на Восточном и Западном фронтах еще

до 1943 г.

Практический вывод из всего вышеизложенного: дивизия легких танков, оказывается, может воевать, может наступать, может вести успешный бой и с пехотой и с танками противника, может форсировать полноводные реки и брать штурмом большие города. Извините за назойливость, но автор готов еще раз напомнить, что весь этот путь 7-я тд вермахта прошла на легких чешских танках и трофейных французских грузовиках, которые на наших грунтовых дорогах из средства передвижения мотопехоты превращались в предмет для толкания. Уже за первые три недели войны 7-я тд прошла 700 км (считая по прямой) от границы до Ярцево, **что чуть больше расстояния от Гродно до Берлина.**

Странно, но коммунистические историки всегда считали **неизбежным, естественным и единственно возможным и то и другое:** и то, что 7-я немецкая танковая дивизия уже 15 июля была у Ярцево, и то, что превосходящий ее по всем параметрам 11-й МК не только не дошел до Берлина (или хотя бы до Меркине), но и закончил свое существование за три дня боев у Гродно. А ведь на первый взгляд удивительным и неправдоподобным представляется тот факт, что немецкая дивизия, вооруженная лишь легкими танками с противопульным бронированием, смогла «пройти сквозь строй» десятков советских стрелковых дивизий, вооруженных сотнями 45-мм противотанковых пушек, гарантированно пробивавших броню Pz-38(t) и в лоб, и в борт, «и в хвост,

и в гриву». Казалось бы, при таком соотношении «щита и меча» глубокий рейд немецких танков должен был завершиться полным их истреблением.

Все, однако же, не так просто. Танк — это всего лишь инструмент, и результат его использования зависит прежде всего от тактики применения, а еще точнее — от соответствия этой тактики техническим характеристикам вооружения. «Безнадежное» на первый взгляд соотношение между толщиной брони легкого танка и бронепробиваемостью артиллерийского снаряда является таковым лишь в ситуации, когда на гладком, как стол, поле стоит одинокий танк и ждет, когда в него попадет снаряд. В реальном же бою все несколько иначе.

Во-первых, танк движется. Даже медленно ползущий по раскисшему от дождя полю Т-26 преодолеет последние 600 м (попасть в движущийся танк с большего расстояния практически невозможно) до огневых позиций противотанковой пушки за 3 минуты. Теоретически расчет противотанкового орудия может произвести 10–15 выстрелов в минуту. Но это если не целиться, а просто «лупить в белый свет». Реально и с учетом того, что отдача после выстрела сбивает прицел, в распоряжении артиллеристов не более 5–10 выстрелов. Но танк ведь не просто ползет по полю, он ползет и стреляет. Шансы сторон в «дуэли» танка и противотанковой пушки отнюдь не одинаковы. Бронебойный снаряд, просвистевший в одном сантиметре от башни танка, не принесет

ему никакого вреда, в то время как осколочный снаряд (даже если это снаряд малокалиберной 45-мм советской танковой пушки 20К), взорвавшийся на расстоянии нескольких метров от огневой позиции, неизбежно заставит орудие замолчать. Поэтому 5—10 выстрелов, о которых мы сказали выше, в реальном бою являются для расчета противотанковой пушки недостижимой мечтой — после первых же выстрелов экипаж танка (хорошо подготовленный и обученный экипаж) обнаружит стреляющее орудие и парой осколочных снарядов смахнет пушку с лица земли.

Из этих простых соображений следует, что самым простым и самым эффективным способом прорыва противотанковой обороны является старый как мир, базовый для всего военного дела принцип концентрации. Танковая дивизия, развернувшись в боевой порядок на фронте в 2—3 км, уверенно пробивает оборону стрелкового (пехотного) полка, на вооружении которого было в начале войны всего 12 противотанковых пушек. Даже если обороняющиеся успеют в кратчайший срок перебросить в район прорыва свой резерв (36 противотанковых 37-мм пушек в истребительно-противотанковом дивизионе пехотной дивизии вермахта), остановить атаку двух-трех сотен танков они не смогут. Потери некоторого числа танков при этом неизбежны, но и прорыв обороны будет неизбежен. Это «некоторое число» может быть сведено к минимуму (если даже не к нулю) за счет артиллерийской поддержки танковой атаки.

Именно массированный огонь артиллерии — как ни парадоксально такое звучит — выполняет роль «дополнительной брони», позволяющей легким танкам с противопульным бронированием выжить на поле боя. Слово «массированный» появилось в предыдущей фразе не для красоты слога. Гаубица стреляет неприцельным навесным огнем, и надо много-много раз выстрелить, прежде чем один из снарядов взорвется рядом с огневой позицией вражеской противотанковой пушки. Как выше уже было упомянуто, по предвоенным нормативам артиллерии Красной Армии для уничтожения одного орудия ПТО требовалось от 70 до 90 снарядов 122-мм гаубицы. Однако в танковом полку нет никаких гаубиц, но они есть в составе артиллерийского полка танковой (моторизованной) дивизии. Другими словами, необходимо **взаимодействие**. Очень простое слово, с очень понятным смыслом, от которого в бою зависит почти все.

Полевой Устав Красной Армии ПУ-39 категорично требовал: *«Атака танками переднего края должна быть во всех случаях обеспечена артиллерийской поддержкой и не допускается без нее»*. Но и взаимодействия с одной только артиллерией недостаточно. Нужна разведка, нужна устойчивая связь, корректировка артиллерийского огня, нужна поддержка со стороны собственной пехоты и еще много всякого, что превращает пушки, танки, пулеметы в единый военный механизм. Самой же главной «деталью» этого «механизма» был, есть и будет командир. Обученный, опытный, смелый

командир. При наличии такого командира и при отлаженном взаимодействии с пехотой и артиллерией танковое соединение, вооруженное всего лишь легкими танками с противопульным бронированием, пробивало оборону пехоты образца лета 1941 г. с железной неотвратимостью.

Уважаемый читатель, все вышеизложенное не стоит воспринимать как продолжение басни про лису и виноград. Разумеется, с непробиваемыми танками вести наступление еще лучше. И совсем не случайно то, что, готовясь к Большой Войне, «неизменно миролюбивая» сталинская империя начала перевооружать свою армию новыми танками с противоснарядным бронированием. Но и объявлять отсутствие (или малое количество) таких танков **исчерпывающей объективной причиной** молниеносного разгрома крупного механизированного соединения (каковым по состоянию на утро 22 июня 1941 г. был 11-й МК), по меньшей мере, нелепо. Воюют не танки. Воюют танкисты и их командиры. Именно в их действиях (или бездействии), а не в миллиметрах брони и километрах межремонтного пробега следует искать причину того, что произошло летом 41-го с Красной Армией. Конечно, это гораздо сложнее – уже хотя бы потому, что документальных или мемуарных источников крайне мало, многие засекречены по сей день, доступные документы часто противоречивы и малодостоверны. Но и все это не может служить оправданием для подмены изучения истории бесконечным повторением ритуальных заклинаний

про «безнадежно устаревшие танки»...

Анализ документов, имеющих отношение к истории разгрома 11-го МК, мы начнем с упомянутого уже «политдонесения» политотдела корпуса, подписанного полковым комиссаром А.П. Андреевым 15 июля 1941 г. Прежде всего следует обратить внимание на дату подписания документа. 15 июля 1941 г. Павлов и его «подельники» уже арестованы, но суд еще не состоялся. Оставшиеся на свободе командиры, имевшие прямое отношение к катастрофическому разгрому войск Западного фронта, чувствуют за своей спиной отчетливое дуновение расстрельных подвалов НКВД. Это мы сегодня знаем, что поражение спишут на «внезапность нападения» и «устаревшие танки», но в июле 41-го этого еще не знал никто. Люди, на памяти которых был 1937 г., могли и должны были ожидать для себя самого худшего, и это не могло не сказаться на содержании и интонациях вышеупомянутого «полит-донесения», в котором нет ни капли политики, зато есть длинный перечень «уважительных причин». Не нам судить комиссаров 1941 года, но принять во внимание эти обстоятельства для историка просто необходимо.

Весь ход боевых действий 11-го МК описан в «Полит-донесении» дословно так:

«...В первый день, т. е. с момента налета немецких самолетов на Волковыск в 4.00 22.6, связи со штабом 3-й армии и штабом округа не было, и части корпуса выступили самостоятельно в район Гродно, Сокулка, Индура согласно

разработанному плану прикрытия...

В связи с отходом стрелковых частей 4-го СК вся тяжесть боевых действий легла на части 11-го МК, как по прикрытию отхода частей 4-го СК, так и задержке продвижения немцев; мотострелковый полк 29-й тд по приказу командарма-3 находился в его резерве по борьбе с авиадесантами в районе Гродно, и дивизия вела бой без пехоты и артиллерии, неся особенно большие потери от противотанковой артиллерии противника.

В течение 22 и 23.6 части корпуса вели бой на фронте Конюхи, Новый Двор, Домброво. Под давлением противника к 24.6 части корпуса отошли на фронт Гродно (Фолеш), Кузница, Сокулка, удерживая фронт западнее шоссе и ж/д Гродно – Белосток (см. Карта № 2. – М.С.).

В связи с быстрым отходом на восток от Гродно частей, действовавших севернее реки Неман, противник пытался форсировать реку Неман с выходом частям корпуса в тыл. Но все попытки немцев форсировать реку Неман были отбиты. Для удержания продвижения противника приказом армии было выброшено 26.6 два мотобатальона 204-й мд через Лунно на рубеж реки Котры. 1-й стрелковый батальон по приказу командира корпуса был выброшен для удержания моста у Лунно.

Понесенные большие потери за время боев с 22 до 26.6 как личного состава, так и матчасти делали корпус малобоеспособным. В танковых дивизиях оставалось не более 300–

400 человек (т. е. не более 5 % от первоначальной численности личного состава. – М.С.), а в моторизованной дивизии – по одному неполному батальону в полку, танков – до 30 шт. и до 20 бронемашин. Все небольшие тылы дивизий были сожжены или расстреляны авиацией противника, которая гонялась буквально за отдельными машинами».

Вот и все, что смог рассказать про гибель корпуса комиссар Андреев.

Самым содержательным и важным является то, чего в «политдонесении» нет.

Во-первых, в нем нет даже малейшего подтверждения видений В. Суворова о том, как *«советских танкистов перестреляли еще до того, как они добежали до своих танков, а танки сожгли или захватили без экипажей»*. В момент пресловутого «внезапного нападения» командиры 11-го МК, даже не имея связи с вышестоящими штабами, просто достали из сейфов «красные пакеты» с планами прикрытия и, как можно судить по документу, практически без потерь в кратчайшие сроки (3–7 часов) вышли в предназначенные им районы развертывания.

Во-вторых, в тексте нет никаких внятных сведений о противнике, в боях с которым корпус за 4 дня потерял 9/10 личного состава и техники. Но и в этом аспекте комиссар Андреев оказался гораздо порядочнее позднейших историков, которые наполнили свои макулатурные книжки описаниями каких-то «встречных боев с тяжелыми немецкими танками»,

якобы произошедших у Гродно.

В-третьих, в тексте нет ни одного упоминания о существовании КМГ Болдина (в состав которой формально был включен 11-й МК); нет никаких сообщений о взаимодействии с танковыми дивизиями 6-го мехкорпуса, которые (если верить отчетам их командиров) 24–25 июня вели бой в районе Сокулка, Кузница, Индура, т. е. буквально в «нескольких шагах» от частей 11-го мехкорпуса, которые – если верить комиссару Андрееву – удерживали рубеж Сокулка – Кузница, по меньшей мере, до конца дня 24 июня...

Теперь перейдем к тому, что в «политдонесении» есть.

Плохо скрытые претензии к пехоте 4-го стрелкового корпуса (4 СК), которая открыла фронт и тем самым вынудила мехкорпус заниматься несвойственным ему делом по «прикрытию отхода» и «задержке продвижения немцев», скорее всего справедливы. В соответствии с предвоенными планами высшего командования Красной Армии, войска Западного фронта должны были нанести главный удар в юго-западном направлении, по линии Седлец – Демблин, *«выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом»* (см. Карта № 3). Соответственно, участок 3-й Армии (северное основание Белостокского выступа) представлялся пассивным участком обороны. На него и выделили минимальные силы: 4-й СК в составе трех дивизий и недоукомплектованный 11-й МК.

Следует уточнить, что по плану прикрытия мобилизации

и оперативного развертывания войск Западного Особого военного округа в распоряжение командования 3-й армии начиная с 3-го дня мобилизации передавались 24-я стрелковая дивизия и 21-й СК в составе двух стрелковых дивизий. Эти соединения должны были занять и оборудовать тыловой оборонительный рубеж на восточном берегу р. Неман в полосе от Друскининкай до Лунно (см. Карта № 2). Однако в реальной истории ничего этого не произошло – загадочные и по сей день не поддающиеся однозначной интерпретации внешнеполитические «игры» Сталина привели к тому, что планы прикрытия так и не были введены в действие. В результате утром 22 июня против пяти пехотных дивизий противника оборону на участке Сувалкского выступа держали лишь две стрелковые дивизии 4-го СК (27-го сд и 56-го сд). Третья дивизия корпуса (85-я сд) находилась во втором эшелоне, у северных пригородов Гродно. Никаких других стрелковых соединений в составе войск 3-й армии Западного фронта не было.

Удар трех пехотных дивизий 8-го армейского корпуса вермахта (161, 28, 8-я пд) буквально смел 56-ю стрелковую дивизию, растянувшуюся на фронте от Липск до Друскининкай. Уже в 10.15 22 июня в Боевом донесении штаба 3-й армии № 03 сообщалось: *«Противник прорвал наши войска и овладел Сопоцкин, Гольнка и Липск... Из Сопоцкин и Липск наши части отходят на Гродно...»* (186, стр. 138). Потерявшие управление и деморализованные части не смогли за-

крепиться ни на линии оборонительных сооружений Гродненского укрепрайона (к 1 июня 1941 г. было построено 98 дотов и еще 606 находились в стадии строительства), ни на естественном рубеже реки Неман. В 13.00 22 июня Боевое донесение штаба Западного фронта № 005 констатировало, что противник (это была 161-я пд вермахта) форсировал Неман южнее Друскининкая (186, стр. 18).

К этому моменту 256-я пехотная дивизия противника вышла на фронт Домброво – Липск и передовыми частями наступала на Новый Двор. В протоколе допроса арестованного 4 июля командующего Западным фронтом Д.Г. Павлова читаем: *«Во второй половине дня 22 июня Кузнецов (командующий 3-й армией. – М.С.) с дрожью в голосе заявил, что от 56-й стрелковой дивизии остался только номер...»* (67).

Таким образом, возможность организации взаимодействия танковых частей 11-го мехкорпуса с пехотой 4-го СК была изначально нарушена. Более того, командующий 3-й армией изъясил из 29-й танковой дивизии ее «собственный» мотострелковый полк для борьбы с мифическими «авиадесантами», а 85-ю стрелковую дивизию (4-й СК) и 204-ю моторизованную дивизию (11-й МК) отвел на рубеж реки Лососна (южнее Гродно). В результате такого командования танковые части 11-го МК *«вели бой без пехоты и артиллерии»*. В этой ситуации успех или неуспех стремительного, но, увы, неподготовленного и неорганизованного контрудара 11-го мехкорпуса зависел исключительно от того, что в

войнах предыдущего столетия определяло успех или неуспех кавалерийского рейда. Если обороняющихся охватывала паника, если командиры оказывались не в состоянии с этой паникой справиться, то начиналась рубка бегущих – самый истребительный способ действия конницы. Если же командиры в эти решающие минуты боя удерживали в своих руках управление и подчиненных, то практически беззащитная конная лава беспощадно истреблялась артиллерией и пулеметами обороняющихся. То же самое, но лишь с поправкой на другие технические средства борьбы, должно было произойти и с массой легких танков, лишенных поддержки своей пехоты и артиллерии.

Благодаря усилиям современных историков-краеведов из г. Гродно в нашем распоряжении есть воспоминания начальника штаба 29-й танковой дивизии Н.М. Каланчука, командира 57-го танкового полка этой же дивизии И.Г. Черяпкина и старшего политрука А.Я. Марченко, который с первых часов войны исполнял обязанности командира 59-го танкового полка 29-й тд. (83-я, 184-я). В их изложении события развивались следующим образом.

Н.М. Каланчук:

«...Мотоциклист привез приказ командира 11-го мехкорпуса, в котором указывалось, что корпус силами 29-й танковой дивизии наносит контрудар на Сопоткин, Сувалки; левее из Сокулка и Индура наносит контрудар 33-я танковая дивизия в направлении Липск, Августов, Сувалки... Начало

выступления — 9.45 22.06.1941.

Когда части приступили к выполнению приказа, было получено донесение от разведывательного батальона, которое гласило, что **40 танков и около полка пехоты противника в бронетранспортерах** (здесь и далее подчеркнуто мной. — М.С.) прорвались через стрелковые части 4-го стрелкового корпуса и движутся в направлении Сопецкин и Гродно... Дивизия, не доходя Сопецкин, на рубеже Лойки, Толынка, Липск, развернулась в боевые порядки, вступила в ожесточенный бой с танками Г-III и мотопехотой противника. В этом бою особенно себя показали наши танки Т-34 и КВ: действуя впереди наших танковых боевых порядков, они начали расстреливать танки противника и давить их как орехи, не неся никаких потерь. Идя за ними, танки Т-26, БТ-5 и БТ-7 наносили сокрушительные удары по танкам противника и давили бронетранспортеры с пехотой противника.

Этот бой длился около 35 минут, бронетранспортеры и танки противника, в том числе и наши Т-26 и БТ-5, горели, как свечи, район боя был покрыт сплошным дымом. Наши танкисты, несмотря на слабую броню, героически сражались, не щадя жизни, и героически пали в бою смертью храбрых. Наконец, пехота противника повыскакивала из горящих бронетранспортеров и расстреливалась прямой наводкой из пушек и пулеметов наших славных танкистов. Когда наши Т-34 и КВ смяли колонну и боевые порядки противни-

ка, противник начал отступать и был отброшен с большими потерями в танках, бронетранспортерах и пехоте. Наши танковые полки с разведывательным батальоном отбросили противника на север от Сопоцкин в лес.

В этом бою противник потерял 34 бронетранспортера, 21 легкий танк Т-Ш, до двух батальонов пехоты. **Наши потери – 27 танков Т-26 и БТ. КВ и Т-34 остались невредимые**, но все в лунках (вмятины от снарядов). В дальнейшем к 12 часам противник подтянул артиллерию и танки. Части дивизии, подвергаясь сильному воздействию авиации и **превосходящих сил противника**, отходили на восточный берег р. Лососна, где закрепились и, отражая яростные атаки противника, оборонялись до 25 июня...»

И.Г. Черяпкин:

«...Нашему полку комдив приказал рассредоточенной колонной в боевой готовности к встречному бою двигаться в направлении Конюхи, Голынка... Высланная вперед разведка сообщила, что в районе Голынки появилось до батальона мотопехоты противника с танками... Продвигаясь дальше, мы вскоре пришли в непосредственное соприкосновение с противником.

Сначала произошло столкновение с вражеской разведкой, а затем появился передовой отряд наступающих гитлеровцев. В коротком бою было уничтожено несколько немецких танков и бронетранспортеров, а остальные отошли назад. И сразу же над боевыми порядками полка появилась враже-

ская авиация, подвергнувшая нас ожесточенной бомбардировке. Во время этого налета был тяжело ранен начальник штаба полка майор Петухов, которого эвакуировали в тыл.

После бомбардировки на нас двинулось **не менее батальона пехоты в сопровождении танков и бронетранспортеров**. Фашисты шли с засученными рукавами и расстегнутыми воротниками мундиров, ведя бесприцельную стрельбу из автоматов. Надо сказать – это производило впечатление. У меня даже мелькнула мысль, как бы не дрогнули наши боевые порядки. Я приказал подпустить немцев поближе и открыть огонь наверняка. Они не ожидали от нас серьезного сопротивления и, когда на них обрушился огонь из танковых пушек и пулеметов, были ошеломлены. Пехота сразу же залегла. Завязавшаяся танковая дуэль закончилась не в пользу фашистов. Когда **загорелось более половины немецких танков и бронетранспортеров, противник начал отходить**.

Понес потери и полк. Имевшие бензиновые двигатели и слабую броню танки Т-26 и БТ вспыхивали от первого попадания снаряда. Только **КВ и Т-34 оставались неуязвимы**. Полк продвинулся до рубежа Перстунь, Голынка, где встретил сильную противотанковую оборону противника, а также стал подвергаться непрерывным атакам с воздуха. **Во второй половине дня мы по приказу отошли к Гродно**.

23 и 24 июня полк в составе дивизии вел бои с наступа-

шим противником юго-западнее и южнее Гродно. К концу третьего дня войны в полку осталось уже менее половины танков...»

А.Я. Марченко:

«...Поскольку командир нашего полка по какой-то причине отсутствовал в районе сосредоточения, вести полк в бой было приказано мне. До сих пор я не могу себе объяснить, почему выбор комдива пал на меня.

Примерно в 10.30 наша колонна, насчитывавшая более 50 танков, выступила через речку по дороге к Сопоткину. На полпути к границе **мы встретились с вражескими танками и бронетранспортерами** и с ходу вступили с ними в бой. Помнится также, как наши быстроходные танки Т-26 устремились на вражеские Т-III и Т-IV, как впереди и по сторонам от моей «тридцатьчетверки» начали вспыхивать немецкие и наши танки. Наши чаще, потому что броня у них была в два раза тоньше немецких.

Я не запомнил, сколько раз они нас атаковали, но Андрей (механик-водитель танка Т-34, на котором воевал Марченко. – М.С.) утверждал после, что мы отбили более десяти атак. Броня нашего танка была усеяна выбоинами и вмятинами от вражеских снарядов. Мы оглохли от грохота их разрывов, от бомб, которые то и дело сыпались на нас с неба в промежутках между атаками.

Тяжелый бой вел справа от нас и другой полк нашей дивизии, которым командовал майор Черяпкин.

К вечеру мы вынуждены были отойти к Гродно. Машин в строю оставалось уже мало. В мой танк угодил снаряд из 105-мм пушки, повредил поворотный механизм и вывел из строя орудие. Машина загорелась, но ее удалось потушить.

У нас иссякли боеприпасы, стало недоставать горючего. Не было никакого снабжения. Вечером мы узнали, что по приказу командования армии войска оставляют Гродно, а наша дивизия должна прикрывать их отход. Однако никаких конкретных указаний мы не получили. Я решил вернуться в расположение полка, чтобы пополниться всем необходимым. На складах удалось найти кое-что из продовольствия, боеприпасов, заправиться горючим.

*Попытки связаться со штабом дивизии не дали результатов. **Никого из командования в городе не было. Решили двигаться на Лиду** (90 км по прямой от Гродно) вслед за отступавшими частями.*

Так закончился для нас первый день войны. В дальнейшем мне довелось участвовать в боях в районе Лиды, в деятельности партийно-комсомольского подполья в Полоцком районе, а в мае 1942 года возглавить партизанский отряд...»

Воспоминания трех участников событий совпадают, как видим, почти во всем. К сожалению, они совпадают и в заученном пересказе мифов советской пропаганды. Немцы летом 41-го «должны были» превосходить Красную Армию в танках и разъезжать на бронетранспортерах – и вот три очевидца в один голос рассказывают о немецких танках у Грод-

но, и не просто о танках, а о Т-III (Pz-III). Наконец, совсем уже фарсовой выглядит история о том, как *«фашисты с застученными рукавами и растянутыми воротниками мунди-ров»* в количестве одного батальона пехоты пошли в «психическую атаку» на советский танковый (!!!) полк.

Фактически ни одного танкового соединения вермахта южнее Друскининка не было и в помине. Ближайшая к месту событий 12-я танковая дивизия из состава 3-й танковой группы в полдень 22 июня подходила к Мер кине, т. е. находилась на расстоянии в 50–60 км от поля боя у Сопоцкин – Гродно. Никаких танков (и уж тем более – средних танков Pz-III, которых не хватило даже на укомплектование танковых дивизий первого эшелона армий вторжения) в составе пехотных дивизий вермахта не было. Единственное, что в горячке боя можно было принять за немецкий «танк», – это «штурмовые орудия», шесть (189, 191, 192, 201, 203, 210-й) батальонов которых (по три батареи из шести самоходок в каждом) были приданы пехотным дивизиям немецкой Группы армий «Центр». Кроме того, было еще два батальона (529-й и 561-й) самоходных «истребителей танков» (чешская 47-мм противотанковая пушка на шасси легкой танкетки Pz-I), всего шесть батарей по 9 «истребителей» в каждой. Таким образом, на тридцать одну пехотную дивизию Группы армий «Центр» приходилось **в среднем по пять «самоходок»** разных типов. В среднем. Возможно, в какой-то дивизии могло быть и две батареи (т. е. 12 «штурмовых орудий»),

но уж никак не 40 танков Pz-III и Pz-IV.

Что же касается бронетранспортеров, то они существовали только в старом советском кино «про войну».

Немецкая пехота передвигалась пешком, мотопехота моторизованных и танковых дивизий – на разномастных грузовиках, хлебных фургонах и трофейных автобусах. Начальник Генерального штаба вермахта Ф. Гальдер в своем знаменитом дневнике (запись от 22 мая 1941 г.) отмечает, что в 17-й танковой дивизии (2-я танковая группа) насчитывается 240 разных типов автомашин. К началу вторжения в СССР в танковых дивизиях вермахта было порядка 650 полугусеничных бронетранспортеров «Ханомаг» (Sd.Kfz. 251). И это неудивительно, учитывая, что в 1939–1940 гг. промышленность Германии (на которую якобы «работала вся Европа») произвела всего 569 бронетранспортеров. Во всей 3-й танковой группе вермахта было три роты на бронетранспортерах (по 26 БТР в каждой). Для того же, чтобы в июне 41-го посадить на «Ханомаги» всю пехоту танковых и моторизованных дивизий, немцам надо было иметь не 650, а порядка 25 тыс. бронетранспортеров. Такого количества не было произведено и за все пять лет войны (реальный выпуск на конец 1943 г. составил 6,5 тыс.) (188, стр. 262).

Разумеется, не только в Советском Союзе военная пропаганда штамповала героические мифы. Так, например, в 1942 г. (т. е. непосредственно в ходе войны) в Германии была издана книга Хорста Слесины «Солдаты против смерти и

дьявола» («Soldaten gegen Todt und Teufel. Unser Kampf in der Sowietunion. Eine soldatische Deutung»). Автор был штатным сотрудником службы пропаганды вермахта, так что искать в его книге точные цифры и правдивые факты не стоит. Книга эта, однако же, представляет огромную ценность для современного историка, так как в ее начале есть глава «Танковая битва перед

Гродно», в которой описывается бой немецкой пехоты против советских танков в районе деревни Конюхи. А это не что иное, как тот самый бой, который в полдень

22 июня 1941 г. 29-я танковая дивизия 11-го мехкорпуса вела с 8-й пехотной дивизией вермахта. И хотя Х. Слеси́на заканчивает свой рассказ совершенно фантастическим заявлением о том, что *«пять советских танковых полков с почти 600 танками атаковали части нашей дивизии»*, само описание боя – несмотря на весь «картинный» пропагандистский пафос – достаточно реалистично:

«...Приготовления к обороне заканчиваются за несколько секунд. Офицеры спешат к своим подразделениям... Трясаясь и грохоча, подъезжают наши штурмовые орудия. Это – тяжелые, массивные танки без башины, с угрожающе высунутыми орудийными стволами. Хотя их немного, только одна батарея, они – самое тяжелое оружие в противотанковом бою. Это первый бой их экипажей, но они идут в бой со спокойствием и верой. Они полностью убеждены в превосходстве своего оружия...

Противотанковые команды заняли свои хорошо замаскированные позиции, несмотря на спешку. Штурмовые орудия подъезжают к дороге справа и слева. Теперь мы должны ждать... Мы слышим грохот двигателей и скрежет и лязг танковых гусениц. Они катятся! Они окрашены в коричневый землистый цвет, с длинными стволами пушек – их пять, шесть и еще несколько... Это – легкие и средние танки плюс несколько броневиков... Ближе, еще ближе. Теперь видна каждая деталь. Их башни поворачиваются, потому что они ищут нас.

Ревущие, скулящие и лающие выстрелы! Трассирующие снаряды из противотанковых пушек дотягиваются до противника своими огненными «пальцами». Более низкий гром иштурмовых орудий. Пулеметы со специальными пулями молотят по бортам танков. Передние танки получают горячий прием. Первые два снаряда от наших двух иштурмовых орудий поражают наиболее выдвинувшийся тяжелый танк и просто с потрясающей силой срывают его башню. Ее подбросило на несколько метров. Высокий столб огня, вспышка и удар взрывающегося боезапаса, танковые бензобаки взлетают в небо – в это мгновение перед нами поднимаются пять столбов дыма и огня. Пять советских танков были буквально искромсаны и разорваны на части.

Новые цели! Оставшиеся советские танки включились в битву и упрямо ведут обстрел наших позиций через свои уничтоженные и подбитые танки. Поднятая пыль, поро-

ховой дым и дым от горящего масла скрывают нас. Русские неистово стреляют из пулеметов и орудий. Противотанковая пушка с правой стороны дороги подбита. Осколки, сталь и кровь с грязью падают на желтый песок... Картины отпечатываются в мозгу с большой ясностью. Русский танк катится вперед: 40 метров, 30 метров... Почему истребительное орудие не стреляет? Страх душит горло. Разрушающий удар – огонь, пластины брони, орудийный ствол, человеческие тела, горящее масло и плотный, черный дым, который милостиво скрывает картину ужаса...

Этот адский шум длится всего несколько минут. Огонь стихает, потому что мы не имеем больше целей. Последние танки развернулись и скрылись. Одиннадцать горящих факелов, охваченных огромными столбами дыма, засоряют поле...» (перевод Д. Лютик) (184).

К какому «общему знаменателю» можно свести все эти разрозненные и противоречивые воспоминания участников событий? Во-первых, ожесточенный бой 22 июня между немецкой пехотой и 29-й танковой дивизией в районе Сопоткин – Гродно был. В этом бою советские танкисты действовали без поддержки авиации, артиллерии и собственной пехоты (в рассказе Х. Слесины нет ни единого упоминания об артиллерийском обстреле немецких позиций или же о появлении на поле боя советской пехоты). 8-я пехотная дивизия вермахта (кадровая дивизия «первой волны», воевавшая с первых дней Второй мировой) встретила лавину советских

танков не паническими воплями, не спинами бегущих солдат, а огнем из всего, что только могло стрелять (*«пулеметы со специальными пулями молотят по бортам танков»*). Закономерным результатом стала неудача танковой атаки и большие потери (*«дивизия вела бой без пехоты и артиллерии, неся особенно большие потери от противотанковой артиллерии противника»*).

Оценить реальный размер потерь можно лишь ориентировочно. Начальник штаба 29-й тд пишет о потере 27 танков. Х. Слесина украшает свое повествование картиной «одинадцати горящих факелов, охваченных огромными столбами дыма». В донесении отдела разведки штаба 9-й немецкой армии (23 июня, 17 ч 40 мин) читаем: **«22 июня подбито 180 танков, из них только 8-я пехотная дивизия в боях за Гродно уничтожила 80 танков»** (187, стр. 34). Поделив число 80 на стандартный для боевых донесений «коэффициент завышения», равный трем, мы получаем ровно 27 подбитых танков, о которых и пишет в своих воспоминаниях Н.М. Каланчук.

Значительно сложнее определить реальный состав советских танковых подразделений, принявших участие в бою 29-й танковой дивизии с немецкой пехотой. По словам А.Я. Марченко (исполнявшего обязанности командира 59-го танкового полка), *«наша колонна, насчитывавшая более 50 танков, выступила через речку по дороге к Сопоткину»*. Командир 57-го танкового полка И.Г. Черяпкин в начале своих

воспоминаний пишет, что *«в полку имелось около 100 танков, в том числе около десятка КВ и Т-34»*.

Н.М. Каланчук, начальник штаба 29-й тд, утверждает, что *«укомплектованность дивизии боевой техникой и вооружением была очень низкая. Например, танками около 66 %, и то старыми образцами...»* Но 66 % от штатной численности танковой дивизии Красной Армии образца лета 1941 г. – это 248 танков! Машин новых типов, как пишет Н.М. Каланчук, в дивизии было 18 единиц (*«12 танков Т-34, 6 танков КВ»*).

Однако – и это самое удивительное – в описании боя, сделанном Х. Слесиной, совершенно невозможно обнаружить **полторы – две сотни** советских танков. Речь там идет самое большее о **двух-трех десятках** боевых машин. Нет в его рассказе и танков Т-34 и КВ, которые (по словам Каланчука), *«действуя впереди наших танковых боевых порядков, расстреливали танки противника и давили их как орехи, не неся никаких потерь»*. И это очень странно, так как пропагандист вермахта не должен был бы упустить возможность живописать сражение немецких солдат с «бронированными монстрами русских». И они (монстры) действительно появляются на страницах его книги (*«Танки! Гигантские танки, каких мы прежде никогда не видели! Стальные гиганты грохочут по возвышенности на нас! Русские 52-тонные танки с 15-сантиметровой пушкой! Ужас парализует нас. Легкие противотанковые орудия не приносят никакого эффекта. Снаряды отскакивают от стальных бортов, как резиновые*

шары...») – но это уже описание другого боя (скорее всего – с частями 6-го мехкорпуса, подошедшими к району Кузница – Индура 24 июня 1941 г.).

Еще труднее реконструировать то, что произошло с 29-й танковой дивизией ПОСЛЕ первого боя. Совершенно очевиден лишь тот факт, что про бой 22 июня все три его участника (начальник штаба дивизии и командиры танковых полков) пишут подробно и взволнованно, а вот события 23–25 июня упоминают как-то вскользь, торопливой скороговоркой. А из воспоминаний старшего политрука А.Я. Марченко и вовсе следует, что **первый бой был и последним** – не обнаружив в Гродно ни начальства, ни приказа, 59-й танковый полк *«двинулся вслед за отступавшими частями»* на Лиду. В любом случае, нет никакого внятного объяснения того, как потеря 30–40 танков в одной из трех дивизий корпуса через три дня превратилась в потерю 90 % личного состава и боевой техники, что и *«сделало корпус малобоеспособным»*.

Бесспорным является лишь тот факт, что контрудар 11-го МК происходил изолированно от действий КМГ Болдина (и самого генерала Болдина) и завершился полным разгромом корпуса, потерей всей боевой техники, большей части рядового и командного состава. 14 июля 1941 г. южнее Бобруйска (350 км к востоку от Гродно) из окружения вышла лишь группа в несколько сот человек во главе с командиром 11-го мехкорпуса генерал-майором Мостовенко.

Доклад С.В. Борзилова

К счастью для историков, чуть лучше освещен боевой путь 6-го мехкорпуса (4-я и 7-я танковые дивизии, 29-я моторизованная дивизия). В недрах «архивного ГУЛАГа» уцелел и в конце 80-х годов был опубликован («Военно-исторический журнал», № 11/1988) документ: Доклад командира 7-й танковой дивизии генерал-майора С.В. Борзилова в Главное автобронетанковое управление РККА от 4 августа 1941 г.

Об авторе этого документа необходимо сказать отдельно хотя бы несколько слов. Семен Васильевич Борзилов к моменту начала советско-германской войны мог по праву считаться одним из наиболее опытных и прославленных танковых командиров Красной Армии. Во время финской войны комбриг Борзилов командовал 20-й тяжелой танковой бригадой, которая прорвала «линию Маннергейма» в районе печально знаменитой «высоты 65,5». Командование Красной Армии высоко оценило тогда роль 20-й танковой бригады и ее командира. Звания Героя Советского Союза был удостоен 21 танкист, в том числе и сам Борзилов. Ничуть не отрицая однозначно преступный характер развязанной Сталиным войны, следует признать, что советские танкисты приобрели в ней уникальный опыт прорыва долговременных укреплений противника, причем на совершенно «противо-

танковой» местности.

К несомненной заслуге командира 20-й тб следует отнести и очень малые потери, понесенные личным составом вверенного ему соединения. За три месяца боев в тяжелейших природно-климатических условиях 20-я танковая бригада потеряла 169 человек убитыми и 338 ранеными (8). Всего ничего – в сравнении с тем, что общие потери Красной Армии в той позорной сталинской авантюре превысили 330 тысяч человек (35).

Доклад Борзилова, несмотря на малый объем, содержит столько ценнейшей информации, что его стоит читать очень и очень внимательно:

1. На 22 июня 1941 г. дивизия была укомплектована в личном составе: рядовым на 98 проц., младшим начсоставом на 60 проц. и командным составом на 80 проц. Материальной частью: тяжелые танки – 51, средние танки—150, БТ-5-7 – 125, Т-26 —4 2 единицы.

2. К 22 июня обеспеченность дивизии боевым имуществом: снарядов 76-мм—1 бк (боекомплект), бронебойных снарядов 76-мм не было, снарядов 45-мм—1,5 бк, бензина Б-70 и КБ-70 —3 заправки, дизельного топлива —1 заправка.

3. На 22 июня части дивизии продолжали выполнять план боевой подготовки и дислоцировались: (далее идет перечень частей и наименование местечек юго-западнее Белостока. – М.С.) О предполагаемом нападении германской ар-

мши мне не было известно, хотя части были готовы к бою.

4. 20 июня 1941 г. командиром корпуса было проведено совещание с командованием дивизий, на котором была поставлена задача о повышении боевой готовности, т. е. было приказано окончательно снарядить снаряды и магазины, уложить в танки, усилить охрану парков и складов, проверить еще раз районы сбора частей по боевой тревоге, установить радиосвязь со штабом корпуса. Причем командир корпуса предупредил, что эти мероприятия проводить без шума, никому об этом не говорить, учебу продолжать по плану. Все эти указания были выполнены в срок.

5. 22 июня в 2 часа был получен пароль через делегата связи о боевой тревоге со вскрытием «красного пакета» (этим термином в Красной Армии обозначался пакет с оперативным планом боевых действий части или соединения, вскрыть который командир имел право только по приказу вышестоящего командования. – М.С.). Через 10 минут частям дивизии была объявлена боевая тревога, и в 4 ч. 30 мин части дивизии сосредоточились на сборном пункте по боевой тревоге.

6. Боевые действия 7-й тд. 22 июня 1941 г. по приказу командира корпуса дивизия вела разведку разведывательным батальоном по Варшавскому шоссе на запад, разведка работала хорошо. Кроме этого, она имела задачу восстановить связь с частями 1-го СК. Первый день войны дивизия больше задач не имела до 22 часов.

7. В 22 часа 22 июня дивизия получила приказ о переходе в новый район сосредоточения – ст. Валпа (вост. Белостока) и последующую задачу: уничтожить танковую дивизию, прорвавшуюся в район Белостока. Дивизия, выполняя приказ, столкнулась с созданными на всех дорогах пробками из-за беспорядочного отступления тылов армии из Белостока (дорожная служба не была налажена). Дивизия, находясь на марше и в районе сосредоточения с 4 до 9 часов и с 11 до 14 часов 23 июня, все время находилась под ударами авиации противника. За период марша и нахождения в районе сосредоточения до 14 часов дивизия имела потери: подбито танков – 63, разбиты все тылы полков, в особенности пострадал тыл 13-го полка.

8. Танковой дивизии противника не оказалось в районе Бельска, благодаря чему дивизия не была использована. Поступили новые сведения: танковая дивизия противника прорвалась между Гродно и Сокулка. В 14 часов 23 июня дивизия получила новую задачу – двигаться в направлении Сокулка – Кузница, уничтожить прорвавшуюся танковую дивизию с выходом в район сбора южнее Гродно (примерно 140 км). Выполняя задачу, дивизия в первой половине дня

24 июня сосредоточилась на рубеже для атаки южнее Сокулка и Старое Дубно. Разведкой было установлено, что танковой дивизии противника нет, а были мелкие группы танков, взаимодействующих с пехотой и конницей.

24–25 июня дивизия, выполняя приказ командира корпу-

са и маршала т. Кулика, наносила удар 14 тп Старое Дубно и далее Гродно, 13 тп Кузница и далее Гродно с запада, где было уничтожено до двух батальонов пехоты и до двух артиллерийских батарей. После выполнения задачи части дивизии сосредоточились в районе Кузница и Старое Дубно, при этом части дивизии потеряли танков 18 штук сгоревшими и завязшими в болотах. 25–26 июня до 21 часа дивизия вела оборонительный бой во взаимодействии с 29-й мед и 36-й кд (одна из двух кавалерийских дивизий 6-го КК), наносила удары перед фронтом 128-м мсп 29-й мед и 36-й кд.

9. В частях дивизии ГСМ были на исходе, заправку производить не представлялось никакой возможности из-за отсутствия тары и головных складов, правда, удалось заполнить одну заправку из сгоревших складов Кузница и м. Кринки (вообще, ГСМ добывали как кто сумел). К исходу дня 25 июня был получен приказ командира корпуса на отход за р. Свислочь, но выполняли его только по особому сигналу.

По предварительным данным, 4 тд 6-го мехкорпуса в ночь на 26 июня отошла за р. Свислочь, в результате чего был открыт фланг 36-й кавалерийской дивизии. К исходу 26 июня противник, использовав резерв, перешел в наступление. В 21 час части 36-й кд и 128-го мсп 29-й мед беспорядочно начали отход. Мною были приняты меры для восстановления положения, но это успеха не имело. Я отдал приказ прикрывать отходящие части 29-й мед и 36-й кд в районе м. Кринки, сделал вторую попытку задержать отходящие

части, где удалось задержать 128-й мсп (это не вражеский, это наш полк из состава своего 6-го мехкорпуса все еще пытается задержать Борзилов. — М.С.), и в ночь на 27 июня переправился через р. Свислочь восточнее м. Кринки (это было начало общего беспорядочного отступления).

В это время нарушилась связь со штабом корпуса. Связь удалось восстановить к исходу 27 июня на переправах у Волковыска. Части дивизии все время от Кузницы, Сокулки и до Слонима вели бои с преследующими десантными частями противника. 29 июня в 11 часов с остатками матчасти (3 машины Т-34) и отрядом пехоты и конницы подошел в леса восточнее Слонима, где вел бой 29 и 30 июня. 30 июня в

22 часа двинулся с отрядом в леса и далее в Пинские болота по маршруту Булька, Величковичи, Постолы, ст. Старушка, Гомель, Вязьма (800 км восточнее Белостока. — М.С.).

10. Материальная часть вся оставлена на территории, занятой противником, от Белостока до Слонима. Оставляемая матчасть приводилась в негодность. Материальная часть оставлена по причине отсутствия ГСМ и ремфонда. Экипажи присоединялись к отступающей пехоте».

Такой вот «краткий курс» истории разгрома мощнейшего танкового соединения. Постараемся теперь перевести дыхание и подвести для начала самые простые, арифметические итоги прочитанного.

К началу боевых действий в 7-й танковой дивизии было **368 танков**, в том числе – 200 новейших Т-34 и КВ (т. е. больше, чем во всех танковых дивизиях Ленинградского и Прибалтийского военных округов, вместе взятых). Еще до начала первых налетов авиации противника дивизия покинула место постоянной дислокации и никаких потерь от «внезапного нападения» не понесла. В скобках отметим, что даже 19 марта 1999 г. (т. е. через 10 лет после публикации доклада Борзилова) «Красная Звезда» описывала первый день войны 6-го мехкорпуса в привычном для нее стиле: *«Полыхали огнем танковые парки. Пометавшись некоторое время в бессильном отчаянии, почти безоружные (???) танкисты вместе с пехотой и пограничниками подались, как говорили в старину, в отступ... Немецкие летчики безжалостно (главная армейская газета страны считает, что тех, кто «подался в отступ», противник должен был жалеть?) бомбили и расстреливали людей с бреющего полета...»*

Фактически «за период марша и нахождения в районе сосредоточения» 7-я танковая дивизия потеряла (судя по докладу генерала Борзилова – от ударов немецкой авиации) **63 танка**. Сопоставимые потери на этапе выдвижения в исходный для наступления район понесла и 4-я танковая дивизия 6-го мехкорпуса. Так, в Оперативной сводке штаба Западного фронта № 08 (от 20.00 27 июня 1941 г.) сказано, что к 18.00 24 июня дивизия сосредоточилась в районе Лебежаны, Новая Мышь, имея потери до 20–26 % главным образом за

счет легких танков; тяжелые танки КВ, как указано в донесении, выдерживали даже прямые попадания авиабомб (186, стр. 51).

В ходе контрнаступления 24–25 июня 7-я танковая дивизия вела бой с пехотой противника силой до одного полка (можно предположить, что это был 481-й пехотный полк 256-й пд вермахта, который действительно вел 24—

25 июня бой с советскими танками в районе местечка Кузница), потеряв при этом всего **18 танков**, причем не все они были подбиты немецкой противотанковой артиллерией – несколько машин, как пишет комдив, просто увязли в болотах.

Борзилов в своем докладе не уточняет, какие именно танки были потеряны. Тем не менее, зная реальные возможности немецкой авиации (о чем пойдет речь в следующих главах) и противотанковой артиллерии немецких пехотных дивизий (равно как и приданных им дивизионов «штурмовых орудий», вооруженных короткоствольной 75-мм пушкой), можно с высокой степенью достоверности предположить, что основная ударная сила дивизии – новейшие танки Т-34 и КВ – осталась целой и невредимой. В другом своем докладе (от 28 июля 1941 г.) генерал Борзилов пишет: *«При появлении наших танков танки противника (реально это были самоходные «штурмовые орудия») боя не принимали, а поспешно отходили... машина Т-34 прекрасно выдерживает удары 37-мм орудий, не говоря уже о КВ»* (28, стр. 118).

Простая арифметика приводит нас к тому, что утром 26 июня в 7-й танковой дивизии должно было еще оставаться **287 танков**. Это не много, а очень много. Ни одна из 17 танковых дивизий вермахта не имела 22 июня 1941 г.

в своем составе такого количества танков (в среднем на одну немецкую дивизию приходилось по 192 танка), не говоря уже про качество... И вот через три дня отступления, практически без соприкосновения с противником (не считая совершенно мифические «десантные части», якобы «преследовавшие» отступающую танковую дивизию), ото всей дивизии Борзилова остается отряд пехоты **с тремя танками**.

Заслуживает пристального внимания и сам ход боевых действий дивизии. За два дня до пресловутого «внезапного нападения» дивизия была переведена в состояние повышенной боевой готовности. Фактически в 6-м мехкорпусе Западного фронта происходило то же самое, что и в 3-м мехкорпусе Северо-Западного фронта, командир которого 18 июня приказал *«части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять»*. С очень высокой долей вероятности можно предположить, что и то и другое не было результатом «самодеятельности» командиров корпусов (или даже командующих округами), а представляло собой выполнение единой для всей Красной Армии директивы высшего командования.

Приказ на вскрытие «красного пакета» был получен за 2 часа ДО того, как на границе прогремели первые оружейные залпы (стоит отметить, что то же самое время получения приказа о вскрытии «красного пакета» – 2 часа ночи 22 июня – содержится и во многих других воспоминаниях командиров Западного фронта). Таким образом, ни о каком «внезапном начале боевых действий» применительно к 6-му МК не приходится даже и говорить. Весьма примечательно и то, что уже утром 22 июня, не дожидаясь особых указаний из Москвы или Минска, командование 6-го МК провело разведку *«по Варшавскому шоссе на запад»* – факт, дающий дополнительное основание для предположения о том, что в «красном пакете» хранился не мифический «план отражения агрессии», а план первых операций вторжения на территорию оккупированной немцами Польши.

Весь первый день войны дивизия простояла в районе сосредоточения – и это совершенно правильно. Главная ударная сила Западного фронта должна была быть использована без судорожной поспешности, после тщательной разведки противника, на основании продуманного плана действий. Однако вместо всего этого, на основании ложных панических донесений, уже в конце первого дня войны (в 22.00 22 июня) 7-я тд была направлена командующим 10-й армией Голубевым на юг, к городу Вельску, для борьбы с несуществующей немецкой танковой дивизией. Поскольку никаких танковых частей противника в полосе 10-й армии просто не

было, то и найти их Борзилов не смог.

Затем, в 14 часов 23 июня, дивизия получает задачу найти и уничтожить еще одну мифическую танковую дивизию противника, но на этот раз в прямо противоположной стороне. Многокилометровые колонны танков, тягачей и автомашин развернулись и от Бельска двинулись на север, в район Сокулка – Кузница (см. Карта № 2). Таким образом, первые два дня войны дивизия «боролась» с безрассудными приказами командования 10-й Армии и с беспорядочным отступлением тылов армии, загрозивших все дороги Белостокского выступа.

В запланированном контрударе КМГ Болдина дивизия Борзилова участвовала в течение двух дней (24 и 25 июня). К этому моменту части 8-й пехотной дивизии вермахта переправлялись на восточный берег Немана и развивали наступление на Скид ель. На линию Сокулка – Кузница вышли передовые подразделения 256-й пехотной дивизии. Таким образом, в районе контрудара 7-й и 4-й танковых дивизий 6-го мехкорпуса находились пехотные части противника общей численностью не более одной пехотной дивизии, не имевшие ни одного дня для подготовки оборудованного рубежа противотанковой обороны.

О том, как развивался бой в районе Старое Дубно – Кузница (единственный, по сути дела, бой в короткой истории 7-й танковой дивизии), в докладе Борзилова не сказано практически ничего. Понять смысл фразы «*после выполнения за-*

дачи части дивизии сосредоточились в районе Кузница и Старое Дубно» трудно (точнее говоря – невозможно). Ближайшей задачей был захват Гродно, последующей – прорыв к переправам на Немане у Меркине.

Ту же задачу выполняла и 4-я танковая дивизия, наступавшая на Гродно из района Индура. Если после боя 7-я тд оказалась не в Гродно, а в исходном районе Кузница – Старое Дубно, то ни о каком «выполнении задачи» не может быть и речи.

По здравой логике, встречный бой между немецкой пехотой и двумя танковыми дивизиями, имевшими на своем вооружении **более 300 танков Т-34 и КВ**, должен был закончиться полным истреблением обороняющихся (или их паническим бегством в Гродно и далее за Неман). Если же предположить, что командование Группы армий «Центр» исхитрилось молниеносно стянуть в район контрудара 6-го мехкорпуса несколько сотен 88-мм зениток и 105-мм дальнобойных пушек (предположение явно абсурдное), то у немцев чисто теоретически мог появиться шанс на то, чтобы уничтожить большую часть танков дивизии Борзилова. В реальности не произошло ни то, ни другое: за два дня боя 7-я танковая дивизия потеряла от огня противника и утопила в болотах 18 танков (т. е. не более 6 % от их общего числа), после чего прекратила атаки и вернулась на исходный рубеж.

Началом конца 7-й танковой дивизии стал приказ на отход за реку Свислочь, поступивший поздним вечером 25 июня.

Этот приказ (вероятно, последний в своей жизни) командир 6-го МК генерал-майор Хацкилевич отдал, выполняя распоряжение командующего Западным фронтом Павлова, который 25 июня в 16 часов 45 минут на основании указаний Ставки и ее представителя в штабе Западного фронта маршала Шапошникова направил в войска директиву об общем отходе на линию реки Щара (80–90 км к востоку от р. Свислочь). Благие намерения – отвести войска за естественный оборонительный рубеж и там привести их в некоторый порядок – совершенно не соответствовали реальной ситуации и реальному состоянию войск фронта.

«Отход является одним из наиболее сложных видов маневра». Это уставное положение (п. 423 Полевого устава ПУ-39) было проигнорировано и забыто не только командованием Западного фронта, но и двумя поколениями советских историков. В отечественной историографии войны сложилась уже вполне устойчивая традиция противопоставления «безрассудных и самоубийственных контрударов» мудрому и «гуманному» отступлению. Не говоря уже о том, что абсурдность таких рассуждений была немедленно подтверждена на практике (директива об отходе на рубеж р. Щара не спасла войска Западного фронта, но лишь «узаконила» и ускорила повсеместно начавшееся к тому времени беспорядочное бегство), они и теоретически совершенно несостоятельны.

Отход требует строжайшей дисциплины, непрерывного и

твёрдого управления войсками, устойчивой связи – то есть именно того, чего в войсках Западного фронта уже не было. Походная колонна (в отличие от рассредоточенных и зарывшихся в землю боевых порядков войск) представляет собой идеальную мишень для авиации противника, поэтому решиться на отход можно было только в условиях обеспечения хотя бы местного и временного превосходства советской авиации в воздухе – ничего подобного в июне 1941 года не было (да и не могло быть) достигнуто. Сам факт отхода неизбежно деморализует войска, превращая солдата из бойца на поле боя в беззащитный объект для нападения с воздуха и обстрела вражеской артиллерии, – именно это и произошло в реальности. Может быть, в начале XXI века наступило уже время для того, чтобы признать наконец очевидный факт: приказ об отходе «спас» бойцов и командиров Западного фронта от честной солдатской смерти в бою, но лишь для того, чтобы заменить ее мучительной гибелью от голода, побоев и дизентерии в немецком лагере для военнопленных..

Возвращаясь от этой бесхитростной (да и безрадостной) теории к истории 7-й танковой дивизии, мы обнаруживаем, что именно после получения приказа об отходе в докладе Борзилова появляются такие фразы:

«Части беспорядочно начали отход... сделал вторую попытку задержать отходящие части... начало общего беспорядочного отступления...»

Именно в ходе *«беспорядочного отступления»* лучшая по укомплектованности танковая дивизия Красной Армии и превратилась в отряд пехоты с тремя танками.

Впрочем, в докладе Борзилова указана и объективная (на первый взгляд) причина разгрома дивизии и потери без малого трехсот танков: «отсутствие ГСМ». Казалось бы, о чем тут еще спорить? Нет горючего – нет и боеспособной танковой дивизии. Увы, при всем уважении к памяти погибшего генерала, мы не будем спешить с выводами, а воспользуемся для начала калькулятором.

Одна заправка дизельного топлива была в дивизии до начала боевых действий. Еще одну получили уже в ходе боев. Итого – две заправки. Бензина было три заправки и более. Теперь переведем «заправки» в понятные всем километры. Самый устаревший из имевшихся в 7-й дивизии танк Т-26 имел запас хода на одной заправке в 170 км.

Три заправки – полтысячи километров. Самый мощный и современный КВ – те же самые 180 км (тяжело таскать 50 тонн стали). Две заправки для дизельного КВ – это 360 км. Скоростные БТ и средние Т-34 имели запас хода на одной заправке в 300 и более километров. Фактически 7-я танковая дивизия, беспорядочно кружась по маршруту Белосток – Бельск – Сокулка – Волков-выск – Слоним, прошла за все время с 22 по 29 июня **никак не более 250 км**. Бросить при этом всю технику *«по причине отсутствия ГСМ»* было совершенно невозможно.

Более того, территория Белостокского выступа была буквально забита складами с горючим и боеприпасами. Накануне войны на территории Западного ОБО были сосредоточены колоссальные запасы горючего – 264 тыс. тонн (68, стр. 351). Непосредственно в зоне «блужданий» 6-го МК находилось 12 (двенадцать) стационарных складов горючего. А именно: 920 и 1040 (Белосток), 925 и 1038 (Бельск), 923 и 1019 (Моньки), 919 и 1020 (Гродно), 929 и 1033 (Мосты), 922 и 1044 (Волковыск). Расстояния между этими складами не превышали 60–80 км (не более двух часов езды по разбитой грунтовой дороге). Для транспортировки горючего в 6-м мехкорпусе было 220 автоцистерн на базе трехосного полноприводного грузовика ЗИС-6 (емкость цистерны 3200 литров).

Полностью укомплектованному мехкорпусу на 500 км марша требовалось 1,2 тыс. тонн горючего. Другими словами, **на одной десятой** тех запасов горючего, которые находились рядом с брошенными танками, **6-й МК мог дойти от Белостока до Владивостока**. Горючего, которого частям 6-го мехкорпуса якобы не хватило для того, чтобы, по меньшей мере, организованно отступить на восток, в избытке хватило стремительно наступающему... противнику. Начальник Генерального штаба вермахта Ф. Гальдер в записи от 1 июля отмечает, что *«около одной трети расхода горючего покрыто трофейными запасами»*. В абсолютных числах это означает, что **в среднем каждый день** нем-

цы «получали» на теоретически неизвестных им и теоретически «уничтоженных при отступлении» советских складах **по 2900 тонн горючего.** Одного только этого количества должно было хватить всем танковым дивизиям Западного фронта для того, чтобы выйти из Белостокского «котла». Выйти вместе с танками, а не разрозненными группами разбрестись по лесам...

Наконец, даже выработавший последние капли горючего танк не перестает быть мощным оружием. Особенно если это тяжелый танк КВ. Особенно если боевые действия происходят в Западной Белоруссии. Немногие автомобильные дороги Белостокского выступа представляли собой некое подобие «ущелья в горах». В двух шагах от обочины дороги начинается или вековой, непроходимый лес, или гиблое болото. Объехать препятствие на таких «дорогах-ущельях» не удастся даже на мотоцикле – не говоря уже про автомобиль или конную повозку. А это значит, что 50 танков КВ из состава дивизии Борзилова, зарытые в землю на перекрестках дорог, могли надолго парализовать всякое движение немецких войск: объехать невозможно, могучую броню не пробивает ни одно имеющееся на вооружении немецкой пехотной дивизии орудие, вооружение самого танка (длинноствольная 76-мм пушка) способно гарантированно уничтожить любую цель (автомобиль, артиллерийский тягач, бронетранспортер, танк), какая только могла оказаться на дороге войны в июне 41-го...

Что касается истории 4-й танковой дивизии 6-го мехкорпуса, то она по сей день покрыта мраком неизвестности. Документы утеряны. Командир дивизии, генерал-майор Потатурчев, попал в плен и уже после окончания войны, в июле 1947 г., умер в тюрьме НКВД. Материалы следствия никогда не публиковались. Никто из переживших войну командиров 4-й тд мемуаров не оставил. Единственным известным автору описанием «боевых действий» этой дивизии является следующий фрагмент воспоминаний С.А. Афанасьева, рядового танкиста 8-го танкового полка 4-й тд:

«...Утром 23 июня нас обстреляла немецкая авиация. Танки у нас были новейшие, все до единого Т-34 и КВ. Мы прятались по лесам. В это время нашим батальоном еще командовал капитан Рассаднев, но с полудня 23 июня я его уже не видел, потому что несколько раз в этот день мы разбегались кто куда... Отступали лесами, болотами, по бездорожью, так как все хорошие дороги были у немцев. Мы оставили Волковыск, Слоним, Барановичи... В соприкосновение с врагом даже не вступали. Мне кажется, что панику создавали сами офицеры. На глазах у бойцов они срывали офицерские нашивки... Так дошли почти до Смоленска, а там тоже оставили столько техники! Все бежали, а технику и вооружение (танки, пушки) бросали. Я не могу сообщить, где проходили бои, так как их почти не было. На нашем направлении мы только одну ночь прорывались че-

рез немецкий десант, это было под Слонимом или Столбцами...» (165, стр. 260)

Вот так, совершенно безрезультатно и необъяснимо закончился, так и не начавшись, контрудар самого мощного мехкорпуса Красной Армии. Тысячи танков, среди них – четыре сотни новейших, лучших в мире КВ и Т-34, не смогли пробить оборону передовых подразделений двух (8-й и 256-й) пехотных дивизий вермахта и бесславно пропали в чаще дремучих лесов Западной Белоруссии.

«По дорогам знакомым...»

Слабейшим звеном в составе КМГ Болдина был, разумеется, 6-й кавалерийский корпус (6-я и 36-я кавалерийские дивизии). Тем не менее именно он доставил немцам беспокойство настолько заметное, что оно нашло свое отражение даже в дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии.

Слово «элитный» было в те времена не в ходу, но именно оно как нельзя лучше подходит для описания 6-го кавкорпуса. Старейшее (созданное еще в годы Гражданской войны) соединение Красной Армии стало подлинной «кузницей кадров» для ее высшего командного состава. Осенью 1919 г. командиром 6-й кавдивизии стал С.К. Тимошенко – будущий маршал, нарком обороны СССР, дважды Герой Советского Союза. В следующем, 1920 г. помощником начальника штаба 6-й кд становится К.А. Мерецков – будущий маршал, Герой Советского Союза, начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны. В середине 30-х годов 6-м кавкорпусом командует Г.К. Жуков – будущий маршал, начальник Генерального штаба (после Мерецкова), первый заместитель Верховного главнокомандующего (т. е. самого товарища Сталина) в годы войны, единственный в истории четырежды Герой Советского Союза. Осенью 1939 г. 6-й кавкорпус ведет в бой против «белополяков» еще один будущий

маршал – А.И. Еременко. Начальником штаба артиллерийского полка в той же 6-й кавдивизии служил и будущий маршал К.С. Москаленко.

В сентябре 1939 г. 6-я кавдивизия входила в состав конно-механизированной группы, которая под командованием комкора Болдина 22 сентября «освободила» Белосток (т. е. приняла из рук немцев захваченный ими польский город). Участвовала в советско-польской войне 1939 г. и вторая дивизия корпуса (36-я кавалерийская), причем в тех же самых местах: 19 сентября 36-я кавдивизия вместе с другими частями 3-й и 11-й армий штурмом взяла г. Вильно (Вильнюс). Остается только добавить, что к началу войны с Германией это совершенно незаурядное кавалерийское соединение находилось в старинном польском городе Ломжа – в 20 км от границы. Для какой надобности кавалерийский корпус оказался рядом с пограничным столбами – об этом еще можно спорить, но не вызывает сомнений тот факт, что район реальных боевых действий 6-го КК (Ломжа, Белосток, Гродно) был давно известен бойцам и командирам корпуса. Так что все начиналось, как в знаменитой песне 30-х годов: *«По дорогам знакомым за любимым наркомом мы коней боевых поведем...»*

Кстати, о конях. Об использовании кавалерии, да еще и среди белорусских болот, наши партийные «историки» рассуждали всегда с горестным покачиванием головы, приводя это как пример вопиющей отсталости Красной Армии и ее

полнейшей неготовности к ведению современной войны. Да вот ведь «беда»: в составе самой мощной, 2-й танковой группы вермахта, руководимой знаменитым Гудерианом (фактическим создателем танковых войск Германии), тоже была кавалерийская дивизия! Причем поставил ее Гудериан почему-то на свой правый (южный) фланг, в самую трясиину болот Полесья.

Уж как только ни «боролись» с этой дивизией советские историки и мемуаристы! Болдин в своих воспоминаниях дошел до того, что «поменял седла на парашюты», и сообщил доверчивым читателям о наличии в составе немецкой Группы армий «Центр» не кавалерийской, а... «десантной» дивизии!

А ведь загадка эта разгадывается очень просто.

Ни Гудериан, ни Павлов не собирались атаковать конной лавой по болоту. Лошадь в кавдивизиях Второй мировой войны выполняла роль **транспортного средства**, повышающего подвижность соединения (в сравнении с обычной пехотой) во много раз. Летом 1941 г. ни у нас, ни у немцев еще не было достаточного количества автомашин повышенной проходимости, способных перемещать стрелковые подразделения по извилистым лесным дорогам, и поэтому **наличие крупных сил кавалерии было одним из значимых преимуществ Красной Армии**. Двигаясь с темпом 50–60 км в день (что для конницы вполне доступно), кавалерийские дивизии могли не отставать от танковых частей

даже в условиях самого успешного, стремительного наступления. А непосредственно в бой и немецкие, и советские кавалеристы шли, как правило, в пешем строю.

На практике эта простая и очевидная теория выглядела так:

«...Моторизованным соединениям предстояло в этот день продвигаться по холмистой песчаной местности, покрытой густым девственным лесом. Движение по ней (особенно автомашин французского производства) было почти невозможно... Машины все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну, так как возможность объезда на лесных дорогах полностью исключалась... Пехотинцы и артиллеристы вынуждены были все время вытаскивать застрявшие машины... Для командования было настоящим мучением видеть, как задыхаются его «подвижные» войска...»

Так командующий 3-й танковой группой вермахта Г. Гот описывает в своих мемуарах события 23 июня 1941 г. За весь этот день, практически не вступая в бой, его моторизованные дивизии прошли не более 50–60 км.

А вот отрывок из воспоминаний В.А. Гречаниченко (начальника штаба 94-го кавполка 6-й кавдивизии):

«...В 23 часа 30 минут 22 июня части дивизии двумя колоннами форсированным маршем направились к Белостоку. Расстояние в 75 километров мы прошли без привалов. В порядок маршевые колонны приводили себя на ходу. Было не

до отдыха. Уже к 17 часам 23 июня дивизия сконцентрировалась в лесном массиве в 2 км севернее Белостока... День клонился уже к вечеру, когда мы получили приказ двигаться далее в направлении Сокулки. Марш-бросок на 35 километров совершили быстро...» (83).

Как видим, в лесной глухомани Западной Белоруссии советская кавалерия по своей подвижности как минимум не уступала немецкой мотопехоте. Конечно, никакая лошадь не может соревноваться с мотором в выносливости, в способности к непрерывному, многочасовому и многодневному движению. Поэтому, после того как друг Рузвельт подарил товарищу Сталину 435 тыс. автомобилей (в том числе более ста тысяч грузовиков «Студебеккер» с их фантастической надежностью и проходимостью), эра кавалерии в Красной Армии закончилась. Хотя не вдруг и не сразу. Конница проводила всю войну, и даже в освобождении Праги в мае 1945 г. приняли участие девять (!) кавалерийских дивизий...

Необходимо принять во внимание и то, что к лету 1941 г. сабли и пики давно уже перестали быть главным вооружением кавалерийских частей. В структуре кавалерийской дивизии Красной Армии было четыре кавалерийских полка, танковый полк, артиллерийский и зенитный дивизионы. В армиях других стран такое соединение обычно называлось «бронекавалерийской бригадой». Штатная численность кавдивизии включала в себя 8968 человек, 7625 лошадей, 64 танка и 18 бронемашин, 62 автомобиля разного назначе-

ния (включая 10 автоцистерн), 24 пушки калибра 76 мм, 8 гаубиц калибра 122 мм, 16 противотанковых 45-мм пушек. Учитывая высокую в принципе уязвимость кавалерии от ударов с воздуха, в состав кавалерийской дивизии были включены многочисленные зенитные средства: 8 зенитных пушек калибра 76 мм, 12 зениток калибра 37 мм, 18 зенитных пулеметов. В состав кавалерийского корпуса входило две кавдивизии и ряд отдельных подразделений, включая отдельный дивизион связи и звено самолетов (!!!) связи (в этом качестве использовались легкие самолеты У-2, способные взлететь и сесть на любую лесную поляну).

В целом кавалерийский корпус примерно соответствовал одной моторизованной дивизии, значительно превосходя ее в численности личного состава и количестве артиллерийских стволов. Единственным «недостатком» (правильнее сказать – особенностью) кавалерийских соединений было отсутствие на их вооружении гаубиц крупного (152-мм) калибра. Впрочем, кавкорпус и не создавался для прорыва укрепленных оборонительных позиций противника, для разрушения которых потребовалась бы тяжелая артиллерия. Во встречном же бою с немецкой пехотной дивизией (а именно так и предстояло действовать 6-му кавкорпусу) отсутствие тяжелых гаубиц с лихвой компенсировалось наличием танкового «тарана» (уже в ноябре 1940 г. **на вооружении 6-й кавдивизии числилось 48 танков БТ и 9 бронемашин, на вооружении 36-й кавдивизии – 52 танка БТ и 17 бро-**

немашин).

Пройдя за двое суток более 120 км по лесным дорогам Белостокского выступа, 6-я кавдивизия вышла к реке Бебжа в районе местечка Сидра (см. Карта № 2). К этому времени там могли находиться части второго эшелона 256-й пехотной дивизии вермахта (передовые части этой дивизии были уже в районе Кузницы, где вели бой с танками 6-го мехкорпуса). Заслуживает внимания и сам порядковый номер немецкой дивизии. Германия вступила во Вторую мировую войну, имея в составе вермахта 86 пехотных дивизий, из которых только 35 так называемых «дивизий первой волны» являлись кадровыми дивизиями армии мирного времени. 256-я пехотная – это дивизия «четвертой волны» формирования, укомплектованная резервистами 2-го разряда и военно-обязанными ландвера (т. е. территориального ополчения). В Польской кампании эта дивизия не участвовала вовсе. После разгрома Франции 256-я пд была переброшена на Восток, где она и простояла в бездействии до 22 июня 1941 г.

Никакого «двухлетнего опыта ведения современной войны» у бывших «резервистов 2-го разряда» не было и в помине. Тем не менее встречный бой 256-й пехотной дивизии вермахта и лучшей кавалерийской дивизии Красной Армии в описании Гречаниченко выглядит как избиение – если и не «младенцев», то совершенно необученных и беспомощных новобранцев:

«...Нашему полку, усиленному одной батареей артилле-

рийского дивизиона, приказывалось в 16 часов 24 июня выступить передовым отрядом дивизии по маршруту Верхов-лесье, Жуки, Сидра и последовательным захватом указанных рубежей обеспечить продвижение дивизии в направлении Гродно. Главные ее силы должны были следовать нашим маршрутом... Примерно в 21 час 24 июня головной эскадрон вошел в соприкосновение с противником в долине реки Бебжа южнее Сидры. Командир полка для поддержки головного отряда ввел в бой артиллерию. Противник не выдержал натиска и отошел за реку. Одновременно открыла огонь его артиллерия. Наступила ночь. Полк спешил и принял боевой порядок...

Начиная с рассвета 25 июня немецкая артиллерия открыла массированный огонь на всю глубину боевого порядка полка. В воздухе на небольшой высоте непрерывно барражировала вражеская авиация... Уже в первые часы все наше тяжелое вооружение было выведено из строя, радиостанция разбита, связь полностью парализована. Полк нес тяжелые потери, был плотно прижат к земле, лишен возможности вести какие-либо активные действия. Погиб подполковник Н.Г. Петросяни. Я принял на себя командование полком, а точнее – его остатками.

Связи со штабом дивизии не было, и где-то в конце дня я на свой страх и риск решил отвести остатки подразделений за линию железной дороги Сокулка – Белосток. При отходе я получил осколочное ранение. Отход ненамного улуч-

шил наше положение. Обстановка продолжала ухудшаться, связь с высшим штабом по-прежнему отсутствовала... В полночь собралось около 300 человек – нашего и 48-го кавалерийского полков (т. е. 9/10 личного состава двух полков уже отсутствовало. – М.С.). Группу бойцов и командиров 48-го полка возглавлял старший лейтенант (оцените воинское звание командира, принявшего на себя командование полком! – М.С.) Я. Говронский, которого я знал лично. Были среди собравшихся и другие командиры. Посоветовавшись, приняли коллективное решение отходить к местечку Крынки...»

Стоит отметить, что есть и другие, более краткие и жесткие описания этих событий:

«...6-я кавалерийская дивизия с утра 25 июня в исходном районе для наступления подверглась сильной бомбардировке с воздуха, продолжавшаяся до 12 часов дня. Кавалеристы были рассеяны и в беспорядке начали отходить в леса...»

Начавшийся отход незамедлительно превратился в беспорядочное паническое бегство:

«...Мимо сплошным потоком двигались автомашины, трактора, повозки, переполненные народом. Мы пытались останавливать военных, ехавших и шедших вместе с беженцами. Но никто ничего не желал слушать. Иногда в ответ на наши требования раздавались выстрелы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.